ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 5 (2388) Суббота, 17 января 1948 г. Цена 40 коп.

Люди сталинской эпохи

21 декабря прошлого года состоялись выборы в местные советы Российской Федерации, Украины, Армении, Молдавии, Карело-Финской ССР. В минувшее воскресенье голосовали за своих кандидатов трудящиеся пяти других союзных республик — Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Киргизии. Завтра пойдут к избирательным урнам литовцы, латыши, туркмены, эстонцы. В феврале избирают узбеки.

Советский белорусский беллетрист Э. Самуйленок написал роман о жизни грузин. Большой грузинский писатель К. Лордкипанидзе ответил повестью из жизни белоруссов. Творческое содружество советских людей закрепляется не только зовом сердец, но и огромным количеством общих дел: работой заводов-смежников, обменом индустриальной практики, взаимной помощью на колхозных полях, в исследовательских институтах.

На новостройке в Ахалцихе мы видим белорусских рабочих, журналистов и поэтов. Вступившую на-днях в строй первую очередь Храмской гидроэлектростанции посетили белорусские инженеры. На Закметаллургстрое и в Тбилисской центральной лаборатории стройматериалов работают молодые белоруссы, азербайджанцы, казахи.

Сейчас в Тбилиси проходит научная сессия Института языка имени Н. Марра. Ученые и писатели республики работают не только над проблемами грузинского языкознания; они по-новому освещают вопросы филологии па примерах молодых литератур Аварии, Даргинии — дагестанских областей. Николоз Бараташвили мечтал о новой Грузии. Думал ли великий поэт, что так широко раздвинется мир вокруг Грузии! Недаром Ираклий Абашидзе, вспоминая в день выборов в местные советы путь, которым шли советские воины от волжских вод до Эльбы, восклицает:

Я вспомню в этот светлый день
Весь путь, отчизной пройденный,
И опущу свой бюллетень
За Сталина, за Родину!

За Сталина, за Родину голосовали в день выборов и поэты Азербайджана. Они воспевали нефтяной Баку, людей вдохновенного творческого труда, разведчиков недр — геологов и хлопководов, бурильщиков и ученых. Баку — это уже не город мрачных контрастов, не город Манташевых и «живых факелов», как назвал бакинских нефтерабочих Александр Ширванзаде, изобразивший в романе «Хаос» город, где утопали в роскоши магнаты черного золота, где три четверти нефтяной промышленности находилось под контролем иностранного капитала.

Иным стал Баку, иными стали и бакинцы. В первые годы советской власти появление молодых кадров специалистов азербайджанцев было предметом гордости всего советского народа. Сейчас таких специалистов десятки тысяч, и это так же естественно, как и то, что во много раз увеличилась добыча нефти, как и то, что Баку стал ныне одним из красивейших городов не только СССР, но и мира. Людей нового поколения — настоящих героев и творцов новой жизни призвана изображать азербайджанская литература, украшенная такими именами, как С. Вургун, М. Ибрагимов.

В Киргизии, где недавно слагали свои песни только акыны, зазвучали голоса таких поэтов, как Аалы Токомбаев и Кубанычбек Маликов, таких беллетристов, как Тугельбай Сыдыкбеков; здесь, в советской Киргизии, есть свой филиал Академии наук и своя филармония, свой театр оперы и балета, свои композиторы.

В соседнем Казахстане не так давно Джамбул Джабаев воспевал первые робкие труды казахских хлеборобов, а ныне писатели находят в Джамбулской области многих прославленных механизаторов сельского хозяйства, тысячи стахановцев полей. Джамбул только помянул о богатстве недр родной земли; а спустя несколько лет возникли на казахской земле полиметаллический комбинат и химкомбинат, медеплавильные заводы и свинцовый завод. Джамбул только взглянул на первую рельсовую колею: но сколько железнодорожных линий опоясывает ныне землю республики! Казахи работают на нефтепромыслах Эмбы и Актюбинска, казахи получают Сталинские премии за свои рекордные урожаи, за геологические открытия. На стол читателя ложатся новые книги казахской советской литературы — «Абай» Ауэзова, новая работа доктора биологических наук Мынбаева, научные труды Сатпаева.

Советский народ велик своим единством. Колхозники Украины выращивают пшеницу для нефтяников Азербайджана, а нефтяники Азербайджана добывают горючее для колхозников Украины. В стране, где трудом Паши Ангелиной мы так же любуемся, как скульптурами Мухиной, где тонкое селекционное искусство Марка Озерного для нас так же дорого, как романы Шолохова,—в такой стране свободно и плодотворно растут литература и искусство.

Дни прошедших выборов показали всему миру могущество советской державы, крепость советской демократии, несокрушимую веру советских людей в торжество своего дела.

Уверенно и твердо идут советские люди под испытанным руководством партии Ленина—Сталина к достижению намеченных целей. Перед ними напряженная и упорная работа, работа, которая под силу только людям великой цели, людям закаленным. Такие люди любовно и бережно выращены в нашей стране великим садовником — товарищем Сталиным.

«Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план». Так учит товарищ Сталин. Каждый день советской действительности убеждает весь мир в том, что воля к труду у советских людей непреоборима, что готовность их работать по-новому не имеет границ, что их решимость выполнить план побеждает все препятствия. Люди сталинской закалки проявляют себя в повседневном труде, как подлинные патриоты социалистической отчизны. Прочтите письма товарищу Сталину, которые публикуются в эти дни в газетах! Лесорубы Сибири и металлурги Златоуста, сталевары Днепропетровщины и угольщики Кузбасса, шахтеры Донбасса и горняки Криворожья не останавливаются на достижениях прошлого, а идут вперед к новым высотам технического прогресса, к завоеванию новых вершин на производстве. В каждом из писем вождю страна находит конкретные обязательства, направленные к росту выпуска продукции, к под'ему производительности труда, к достижению новых скоростей в работе. Люди сталинской закалки, борющиеся за коммунизм, решили сократить путь, намеченный на пять лет, и пройти по дорогам пятилетки за четыре года. А ведь на пятилетку мы наметили отнюдь не легкие задания и не простые планы, — задания и планы грандиозны, и поэтому решимость сократить сроки, отпущенные для их осуществления, свидетельствует о неукротимой воле и гигантском труде народа-исполина.

Великая большевистская партия — ум, честь и совесть нашей эпохи, ведет все народы нашей страны к новым успехам социалистической Родины.

Накануне ленинских дней

В цехах и отделах московского завода «Динамо» имени С. М. Кирова агитаторы и пропагандисты проводят беседы на тему «24 года без Ленина под водительством Сталина по ленинскому пути».

В заводской библиотеке и в партийном кабинете организована большая выставка произведений В. И. Ленина.

Многие рабочие и работницы, слушавшие выступление В. И. Ленина 7 ноября 1921 года в инструментальном цехе завода «Динамо», и сейчас работают здесь.

Токарь-кадровик депутат Московского совета тов. Т. Выжгин в обеденный перерыв поделился воспоминаниями о встречах с Владимиром Ильичем.

В школе рабочей молодежи завода и в подшефной средней школе № 501 с воспоминаниями о приезде В. И. Ленина на завод выступят рабочие К. Кухаркин и Д. Барканов. Они расскажут учащимся, как динамовцы претворяют в жизнь наказ Владимира Ильича об электрификации страны.

20 января, после общезаводского митинга на фасаде главного корпуса будет установлена мемориальная доска, напоминающая о посещении завода Владимиром Ильичем.

* * *

Московский магазин «Интернациональная книга» выпустил в продажу к ленинским дням большое количество произведений В. И. Ленина на иностранных языках. Большим спросом пользуется двухтомник произведений Ленина на английском, французском и немецком языках. Отдельными изданиями вышли в английском переводе книги «Что делать?», «Государство и революция», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и в переводе на английский и французский языки «Империализм, как высшая стадия капитализма».

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Исполнилось 30 лет со дня выступления Владимира Ильича Ленина в бывшем Михайловском манеже перед питерскими красногвардейцами, отправлявшимися на фронт.

Сейчас в здании, где выступал Ленин, разместилась ленинградская промышленная выставка. К щиту, установленному на манеже, прикреплена мемориальная доска с краткой надписью:

«В этом здании дважды выступал В. И. Ленин 15 (28) апреля 1917 г. на митинге солдат броневого дивизиона и 1 (14) января 1918 г. перед сводным отрядом петроградской Красной гвардии».

* * *

ЛЬВОВ. (От наш. корр.). Трудящиеся города готовятся широко отметить 24-ю годовщину со дня смерти В. И. Ленина. Областное лекционное бюро направило в районы лекторов с докладами о жизни и деятельности Владимира Ильича.

В областной библиотеке открылась выставка литературы о В. И. Ленине. Один из разделов выставки посвящен западноукраинскому фольклору о великом вожде. Кружки художественной самодеятельности областного Дома народного творчества подготовили программу, посвященную памяти В. И. Ленина.

* * *

КАЗАНЬ. (От наш. корр.). Закончена разработка генерального плана реконструкции села Кокушкино, Пестречинского района, — места первой политической ссылки В. И. Ленина.

К дому-музею, в котором 60 лет назад жил Владимир Ильич, примыкает большой парк. На территории парка предусмотрено сооружение колхозного клуба, летней эстрады, спортивной площадки. На реке Ушия будет построена гидроэлектростанция.

ЧЕШСКИЕ ШАХТЕРЫ ЧТУТ ПАМЯТЬ М. ГОРЬКОГО

Фонды музея М. Горького в Москве пополнились интересными экспонатами. Министерство иностранных дел СССР передало музею модель шахтерской лампочки и папку с так называемым «Крестным листом», на котором имеется запись о переименовании чехословацкой угольной шахты «Рудиай 1» в шахту имени М. Горького.

Переименование шахты состоялось в чехословацком городе Билина. На торжествах присутствовали шахтеры всего угольного района Билина, население города, представители общественных организаций, прессы. От правительства Чехословакии выступил министр социального обеспечения Зденек Неедлы.

Кто отвечает за технический прогресс в полиграфии?

В. СЫТИН

Яркий рисунок в красках на прозрачной, гибкой пленке—трактор «СТЗ». А справа, на белой полоске фона — описание частей машины и обращение к трактористу: «Строго соблюдай правила технического ухода!..»

Перевертывая страницы альбома, мы постепенно разбираем весь трактор. Части машины воспроизведены настолько реально, что кажутся деталями настоящей машины. Какое чудесное учебное пособие и как хорошо сделан альбом!

— Это уже признано всеми, — говорит директор Научно-исследовательского института полиграфической и издательской техники тов. Фомин, и мы слышим в интонациях его голоса удовлетворение, ибо он, Фомин, и его товарищи по Институту — Розенблат, Воробьев, Березин — изобретатели нового метода красочной печати на прозрачных пленках.

— Очевидно, такие альбомы нужны в тысячах экземпляров? И не только такие, но и альбомы автомобилей, станков, паровозов?

— Это также признают все,—отвечает тов. Фомин.—Но... Мы занялись разработкой метода красочной печати на пленках в июне 1941 года. Был сделан первый образец. Тем не менее до сих пор мы не можем наладить производство альбомов для Министерства сельского хозяйства. Впрочем, не для одного только министерства... Подобные альбомы нужны всем.

Тов. Фомин далее показал нам кусок зеркального стекла с нанесенной на него тончайшей сеткой.

— Это изобретение, — поясняет он,— намного упрощает изготовление клише, обеспечивает прекрасное качество, а, главное, не требует высокой квалификации от исполнителей. В годы войны многие газеты в армии пользовались этим изобретением в полевых условиях и благодарили за него. Институт изготовлял растры полукустарным способом в маленькой лаборатории, а промышленное производство никак не налаживается. Перед нами возникает стена...

Рассказывает тов. Фомин еще о новых изобретениях, о методах, открытых коллективом Института. И эти методы, увы, за малыми и редкими исключениями, несмотря на их эффективность, в полиграфическую промышленность не внедряются.

В начале 1947 года Институтом был разработан метод улучшения печати произведений классиков марксизма. Огиз в мае издал приказ о применении этого метода на производстве. Но приказ так и остался на бумаге. В 1947 году Огиз приказал применить в 24-й типографии (директор тов. Желдин) новый способ глубокой офсетной печати, раз в двадцать повышающей стойкость форм. Был составлен график, отданы соответствующие распоряжения руководителям треста «Полиграфкнига», но на этом все закончилось.

Около двух лет назад Институт изобрел двустороннюю клейкую ленту для приклеивания клише к колодкам. Такая лента облегчает приправку и улучшает качество воспроизведения рисунков. По предложению инженера Миклашевского, в Институте разработан метод контактных растров на пленке, чрезвычайно облегчающий изготовление клише.

Однако все работы коллектива сотрудников Научно-исследовательского института полиграфической и издательской техники, хотя и апробированы на практике, но, вопреки здравому смыслу и нуждам страны, лежат под спудом.

В чем же дело? Почему Институт работает вхолостую?

* * *

В комнате, дверь которой украшает плакат «ОРС», только один стол и один шкаф принадлежат «Сектору изобретений и рационализации» крупнейшего полиграфического об'единения в мире — Огиза при Совете Министров СССР. Здесь лишь один сотрудник. Сектору остается только регистрировать, главным образом, пресловутые «входящие» и «исходящие». Впрочем, «входящих» предложений от изобретателей здесь до смешного мало: 2—4 в месяц!

Единственный работник сектора (а, значит, и единственный работник по вопросам изобретательства и рационализации во всей системе Огиза, и скажем больше: во всей полиграфической промышленности нашей страны!) инженер Окольнишников — энтузиаст своего дела. В меру своих сил он пытается что-то сделать: добился выпуска на гектографе трех номеров «Бюллетеня», в котором кратко рассказывается о рационализаторских предложениях, он «толкает» ведомства, которые по договору должны разрабатывать опытные образцы принятых изобретений (разрабатывают их медленно и неохотно) и, наконец, ездит по типографиям, умоляя директоров выделить какие-то суммы, чтобы выплатить премии за реализованные рационализаторские предложения.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о директорах полиграфических предприятий. На каждом предприятии при составлении финансовых планов должны быть предусмотрены расходы на реализацию изобретений и рационализаторских предложений. По приказу Огиза директоры полиграфических предприятий составили в начале 1947 года планы финансирования изобретательства и рационализации, но в общие финансовые планы их не включили.

Можно твердо сказать — работа с изобретателями в крупнейшем полиграфическом об'единении совсем не налажена. Поэтому и предложения новаторов поступают к тов. Окольнишникову в ограниченном количестве.

Но этот факт отнюдь не является показателем творческой инертности советских полиграфистов. В начале прошлого года Огизом и ЦК профсоюза работников полиграфии и печати был проведен смотр изобретательских и рационализаторских предложений на предприятиях. Смотр выявил много интересных и ценных предложений. Некоторые из них были внедрены в производство. Руководство Огиза премировало авторов лучших предложений, решило организовать еще один смотр в конце года и напечатать к 1 сентября 1947 года темник для изобретателей и рационализаторов.

Темник не был составлен, не был напечатан... А смотр все же должен скоро состояться. И чем скорее, тем лучше. Нет сомнения, что он снова выявит много ценных идей и предложений. Однако не едиными смотрами могут жить новаторы... Им нужна большая, разносторонняя и повседневная помощь.

* * *

Восемь лет назад один из старейших советских изобретателей-полиграфистов — инженер Гуревич разработал новый «стереоскопический» метод печати рисунков. Напечатанные по его способу фотографии и рисунки выглядели на бумаге об'емными и живыми. В предвоенные годы новый метод печати был применен в нескольких учебниках по минералогии и кристаллографии, в нескольких детских играх. Академия наук использовала его для научных работ. Но в Учпедгизе вдруг решили «децентрализовать» фабрику учебных пособий, и в результате — ценнейший метод печати больше не применяется. А между прочим, в Америке не так давно подняли шум об «открытом» там «новом» методе стереопечати...

Много еще надо сделать нашей полиграфии, чтобы улучшить фототехнические процессы. Это прекрасно поняли новаторы, всегда остро чувствующие интересы государства. Инженер Толмачев предложил конструкцию фотографировальной машины, инженер Каплан — конструкцию фотонаборной. Осуществление этих изобретений сулит полиграфии большой технический прогресс, огромную экономию. И что же? Более десяти лет «реализуются» идеи Толмачева, и вот уже два года, как Огиз маринует опытный образец машины Каплана.

Наши полиграфисты справедливо жалуются на качество красок. Инженер Степачев открыл тип красок для глубокой печати, которые можно хранить и перевозить в сухом виде. Прошло уже несколько лет, а краски Степачева так и не увидели света.

В полиграфии еще очень велик простой плоских печатных машин на приправке. Тем более непонятно, почему революционизирующий метод бесприправочной печати, предложенный нашими полиграфистами, все еще не внедрен в производство. Существует изобретение тов. Баландина, предложившего не сшивать, а склеивать некоторые типы книг по особому, им разработанному методу. Пробный десятитысячный тираж оправдал изобретение Баландина: склеенные книги получились не хуже, а лучше сшитых. Прошло уже много месяцев, а автор все еще не может добиться решения о реализации нового метода.

Можно было бы привести еще много примеров. Но мы думаем, что читателю все ясно. Борьба за технический прогресс пока не привлекает к себе сердец руководящих работников нашей полиграфии, и надо полагать, что новое руководство Огиза (тов. Ревин) примет меры к тому, чтобы в полиграфию внедрялась новая техника.

85-летие А. Серафимовича

В Центральном доме литераторов собрались писатели и деятели искусств, чтобы отметить 85-летие старейшего русского советского писателя А. Серафимовича.

Появление юбиляра было встречено горячими аплодисментами. С приветствиями выступили Вс. Вишневский, В. Бонч-Бруевич, Н. Телешов, В. Ильенков, К. Федин, А. Сурков.

Писатели говорили о славном пути большого художника, прочно связавшего свою жизнь и творчество с партией большевиков и рабочим классом. А. Серафимович одним из первых примкнул к окружению Горького в те дни, когда стали выходить сборники «Знание». Он без малейших колебаний занял место в рядах большевистской партии немедленно после Октябрьского переворота. Тепло относился к писателю Владимир Ильич Ленин. Памятно обращение гениального вождя к А. Серафимовичу: «... Ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как нужна рабочим и всем нам Ваша работа...»

— Многие из нас, ныне убеленных сединами, слышали голос Александра Серафимовича в юные годы, — сказал Вс. Иванов. — Это был голос борца за правду, за гуманизм, за лучшее будущее России, за революционное, большевистское переустройство нашей прекрасной Родины. Мы помним также, — говорит далее Вс. Иванов, — лето 1943 года. Это было вскоре после взятия Орла советскими войсками; у нас возникла идея написать книгу о боях за Орел. Для этого Серафимович, вместе с группой писателей, отправился на фронт. На грузовике, рядом с шофером, по тяжелым дорогам войны, прямо из Москвы, под обстрелом вражеских самолетов ехал этот 80-летний старец на передовые позиции, жил там в труднейших фронтовых условиях, беседовал с солдатами и офицерами, подвергаясь риску и опасностям. В книге об Орле напечатан рассказ Серафимовича — результат этой поездки. Таков этот замечательный большевик, строитель нового советского общества!

А. Софронов поздравил А. Серафимовича от имени партийной организации Союза писателей.

С приветствиями выступили также представители Института мировой литературы им. Горького, Государственного литературного музея, Гослитиздата, издательства «Советский писатель» и других организаций Москвы. Были зачитаны приветствия от партийных и общественных организаций города Серафимовича, от писателей М. Шолохова, С. Сергеева-Ценского, С. Маршака, Т. Щепкиной-Куперник и других.

«Дорогой Александр Серафимович!—пишет М. Шолохов. — По-сыновьи крепко обнимаю Вас. Как и миллионы Ваших читателей, всегда думаю о Вашей жизни с любовью, теплотой, благодарностью».

С небольшой речью выступил в заключение юбиляр. Он взволнованно благодарил советскую писательскую общественность за оказанное ему внимание и с любовью отметил благотворное влияние, какое оказала на его формирование, как художника, близость к мудрой и непобедимой партии Ленина — Сталина.

Виссарион САЯНОВ

Грекам Маркоса

Гречанка верная! не плачь, — он пал героем.
Свинец врага в его вонзился грудь,
Не плачь—не ты ль сама ему пред первым боем
Назначила кровавой чести путь?

Пушкин.

Век подходит уже к середине...
Снова колокол бури поет...
Величав, словно плеск лебединый,
Знаменитого времени лёт...

Греки Маркоса! Близится жатва!
Кровью вскормленный, всходит посев,
Вслед за нами шагнули вы в Завтра,
Светлый берег зари разглядев.

На кремнистой гряде плоскогорий
Каждый камень запомнил солдат...
Пусть высокие скалы в лазори
От бесчисленных взрывов гудят,—

День придет — и родные долины
Вновь увидят своих сыновей,
Все равно, вы ворветесь в Афины,
Корабли приведете в Пирей,

Чтоб пройти по отцовскому саду
Вдоль знакомых седых берегов,
Чтобы наших времен Илиаду
Повторяли потомки бойцов.

Декада литовской литературы

10 февраля в Москве открывается декада литовской литературы.

Первый вечер состоится в Центральном доме литераторов. Затем будут проведены вечера в Колонном зале Дома союзов, в клубе МГУ, в театре имени Ленина Краснопресненского района, в Военно-политической академии имени Ленина, в Академии общественных наук и других аудиториях столицы.

На вечерах видные литовские и русские писатели выступят с докладами о развитии литовской литературы, о творчестве отдельных писателей. Издательства художественной литературы выпускают к декаде ряд книг. В Гослитиздате выйдут сборники избранных произведений классиков литовской литературы Майрониса и Жемайте, сборник литовской поэзии, избранные произведения П. Цвирка. «Советский писатель» выпустит сборники современной литовской прозы и поэзии и книгу стихов А. Венцловы.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ НА ЗВАНИЕ ФЮРЕРА

Рис. КУКРЫНИКСЫ.

Президент Народной Республики

I.

Эти кварталы находятся всего в десяти минутах ходьбы от центральной магистрали столицы Каля Викториэ, но создается впечатление, что ты попал в другой город. Здесь нечего опасаться спутанных переулков, и подозрительные господа в мешковатых длиннополых костюмах не торгуют здесь швейцарской валютой; бензиновый дымок не отстаивается здесь в глубоких улочках, и за пятилеевую монету не увидишь в телескоп бродячего «астронома» созвездия Гончих Псов; сюда не часто заезжают модные «Линкольны» и «Форды-Меркурии», и цыганочка-цветочница не зябнет над кустиком безнадежно сникшей розы...

Тишина бережет эти кварталы. Стоят особняки, небрежно прикрыв свои плечи потемневшими листьями дикого винограда. В маленьких палисадниках, разбитых перед домами, несорванные цветы роняют на холодную землю ссохшиеся лепестки. И огромные липы, заполнившие переулки, кажется, намертво скрепили над неширокой дорогой крепкие руки ветвей.

От старомодного здания медицинского факультета до квартиры профессора расстояние небольшое. В сумерки, когда в университете заканчивались занятия, профессор отправлялся домой. В свои семьдесят с лишним лет он сохранил юношески бодрую походку. Он шел легко и быстро, ласково отвечая на частые приветствия прохожих:

— Буне сяра! Буне сяра... Добрый вечер! Добрый вечер...

Или же в ответ на короткий вопрос о здоровье:

— Бине, бине, мульцумеск... Хорошо, хорошо, спасибо...

За несколько минут профессор достигает своей улочки, молодцевато взбегает по ступенькам особняка и скрывается за массивной дверью, на темноватом фоне которой резко обозначается прямоугольник белой эмалированной таблички: «Доктор К. И. Пархон».

В предвечерний час люди привыкли видеть на улицах маленькую фигуру почтенного ученого, направляющегося домой,—в этом было нечто традиционное, давно установившийся порядок быта.

Но вот однажды профессор не появился на своем обычном пути из университета. Вскоре в отделе хроники ежедневной бухарестской газеты была напечатана короткая заметка: «... Ввиду преклонного возраста профессор К. И. Пархон закончил чтение лекций в университете и переведен на пенсию...»

В стране поняли, что над седой головой ученого собрались тучи.

Был 1940 год.

II.

Среди замечательных достижений медицины нашего столетия были исследования, принесшие победу человеческому разуму в борьбе с эпидемическими заболеваниями. Одним из известнейших ученых, работавших в этой важной отрасли науки, был румынский биолог Бабеш.

Академик Константин Пархон — выдающийся ученик Бабеша. Он посвятил себя эндокринологии, то-есть изучению деятельности желез внутренней секреции.

Медицинские справочники скрупулезно фиксируют даты жизни ученого, его заслуги. «Академик Константин Пархон,—сообщает справочник,—родился в 1874 году в городе Бымпылунг Мусчел (что в 120 километрах на юг от Бухареста, у самого подножья Трансильванских Альп). Отец ученого—преподаватель лицея. Дед—крестьянин уезда Альба (что по другую сторону Трансильванских Альп, в самом сердце великой Трансильванской долины; по преданию, эти места были колыбелью даков, древних предков румын). Будущий ученый получил среднее образование в Фокшанах и Плоешти и окончил университет в Бухаресте (Бухарестский университет—крупнейшее высшее учебное заведение Румынии—в тот период насчитывал в составе своих профессоров видных румынских ученых Томеску, Маринеску и Бабеша).

Окончив университет, доктор Пархон занял место врача-невропатолога вначале в частных госпиталях Бухареста, потом в клинике медицинского факультета Ясского университета (старейший университет страны, известный в прошлом своими связями с русской культурой; медицинский факультет создавался под большим влиянием демократических идей русских ученых Пирогова и Мечникова). Оставаясь в течение более чем 20 лет профессором Ясского университета, Пархон посвятил себя изучению проблем эндокринологии и опубликовал в медицинской печати Европы несколько сот работ.

В 1930 году профессор Пархон был избран членом Румынской академии наук, а в 1933 году стал профессором Бухарестского университета. Он—президент Румынского общества медицины и естествознания, основатель Румынского общества эндокринологии, член-корреспондент Французского общества неврологии и почетный член Советского общества эндокринологии.

В течение более чем 50 лет научной деятельности профессор Пархон опубликовал около тысячи работ.

Однако деятельности ученого было свойственно и нечто иное, что не могло быть раскрыто медицинским справочником...

Яссы, или как румыны говорят Яши,—бывшая столица Молдавского княжества и в течение многих лет центр духовной жизни страны. Здесь—университет, высшая музыкальная школа, Академия изящных искусств. В Румынии издавна повелось, что выдающиеся деятели румынской науки, литературы и искусства являются выходцами из Ясс. В стране говорят: «Среди первых десяти имен румынского искусства восемь пришли из Ясс». Быть может, в таком определении есть элемент преувеличения, но факт остается фактом—почти все крупнейшие румынские писатели, художники, музыканты действительно происходят из Ясс.

Из этого города впервые в Румынии был подан призыв к борьбе против чужеземного ига и к установлению надежной и прочной дружбы с великим соседом Румынии на востоке. Можно сказать, что первый камень румынской независимости был заложен в Яссах. Эта слава очага румынской независимости и дружбы с Россией осталась за городом на столетия. И в этом было свое об'яснение: среди молдавской интеллигенции, которая всегда считалась в большей степени разночинной, чем интеллигенция любой другой провинции Румынии, действительно было сильно влияние освободительных идей, идущих из России. Именно эта любовь к свободе всегда об'единяла выходцев из Молдавии на чужбине.

Пархон родом из Мунтении, но он находился в Яссах едва ли не со времени своего студенчества, прожил здесь двадцать лет.

Не будучи уроженцем Ясс, он навсегда связал свою судьбу с этим городом. Поэтому, появившись в Бухаресте, он возглавил ясское землячество, сделавшись первым наставником всех тех, кто считал город на восточных рубежах Румынии своим родным городом.

III.

Среди трудового люда Молдавии принято: рабочий ли ты или человек интеллигентного труда, носишь ли ты скромную одежду учителя, врача, муниципального служащего или форменную куртку железнодорожника,—во всех случаях головным убором тебе будет служить островерхая меховая шапка молдавского крестьянина.

В Румынии шутят:

— Эта шапка, как солнце, под ней все равны.

Получилось как-то так, что эта островерхая шапка молдавского крестьянина сделалась своеобразной эмблемой ясского землячества в Бухаресте.

И в предвечерний час, когда в университете заканчивались занятия и профессор направлялся домой, ему на пути встречались молодые люди в островерхих молдавских шапках.

Еще со студенческих лет в семье профессора привыкли к шумному обществу этих молодых людей. Став академиком, профессор не расставался с привычной скромностью даже тогда, когда многочисленные его гости были чуточку назойливы. Супруга профессора, маленькая смуглолицая женщина с удивительно лучистыми глазами, старательно поддерживала семейные обычаи. В такие вечера вместе с гостями в кабинете профессора собиралась вся семья: сын, две дочери, мужья дочерей. Все они врачи. Возникал «консилиум», который оказал бы честь любой университетской клинике. И все чаще на «консилиум» Пархонов выносились не только проблемы медицины, но и общественные проблемы, относящиеся к самому существованию Румынии. Симптомы, вызывающие серьезные опасения, были налицо: Румыния тяжко заболела...

Кароль II распустил парламент... «Железная гвардия» сделала попытку притти к власти... Маниу встретился с Кодреану и заключил с ним союз о совместных действиях... От пули «железногвардейцев» пал известный румынский историк Иорга...

И, наконец: Кароль II бежал из страны... К власти пришло правительство Антонеску...

На «консилиуме» Пархонов все чаще возникал вопрос: «Что будет с Румынией?»

В университетских аудиториях студенты спрашивали друг друга: «Что же говорит Пархон?»

IV.

В кругах интеллигенции семья Пархонов была известна демократическими взглядами. В народе знали, что не столь уж далекими предками Пархона были трансильванские плугари и что в уездах Альба, Турда и Тырнава до сих пор живут дальние и близкие родственники академика. Став выдающимся ученым, Пархон всю жизнь продолжал также тяжелую работу врача, связанного узами близких личных отношений с людьми из народа и всегда готового притти на помощь простому человеку.

Ученый всегда жил насущными нуждами народа. Он был душой многих общественных начинаний в стране. Охватывала ли Молдавию жестокая засуха или тифозная буря врывалась в просторы Валахии, Пархон устремлялся туда, чтобы помочь народу в беде. Выдающийся врач и великий патриот, он всегда был другом народа.

Посвятив себя медицинской науке и многое сделав для нее, Пархон в то же время живо интересовался передовыми социальными идеями своего времени. Он читал во французских переводах Маркса, в свое время увлекался полемическими работами Жореса, хорошо знал произведения великих русских демократов Добролюбова, Чернышевского, а позднее Короленко, Горького, которые были широко известны в Румынии и в прежние годы.

Так сложились взгляды ученого.

Вот почему, когда гитлеровские варвары застлали европейское небо дымом зловещих костров, ученый назвал это мракобесием, а когда фашистские пули стали косить его родной народ, ученый бесстрашно бросил в лицо палачам гневное слово: инквизиция.

Скажи это кто-либо другой — его четвертовали бы. На Пархона все же не посмели поднять руку. Ему придумали другое наказание: его лишили профессорской кафедры. Для ученого, который отдал столько лет университетской деятельности, это было тяжелым ударом. Но все-таки Пархон не упускал случая доказать, что он здравствует. Еще шире раскрыл он двери своей всегда гостеприимной квартиры для людей, которые хотели его видеть. И народ валил к Пархону. В городе шутили:

— В молдавское землячество Пархона записалась вся Румыния...

Впрочем в том, чтобы в землячество вошла вся Румыния, не было большой необходимости: многочисленные друзья ученого и без того достаточно хорошо осведомляли народ о мыслях и настроениях Пархона. Когда в городе спрашивали, каково положение на фронте, ответ был достаточно красноречив:

— Пархон сказал, что он скоро вернется в университет...

* * *

Мы знаем, как развивались события.

Народ действительно возвратил Пархона в университет. Кроме того, народ сделал несколько большее, чтобы оценить мужество ученого и патриота, избрав его председателем Верховного Президиума молодой Румынской республики.

Сергей ЛАБА.

БУХАРЕСТ.

Мистер Сарагат и его защитник

В «Литературной газете» (№ 3 от 10 января 1948 года) была напечатана статья писателя А. Марьямова «Мистер Сарагат». Статья содержала характеристику небезызвестного предателя итальянского народа, ренегата и американского агента Джузеппе Сарагата.

Факты, изложенные в статье А. Марьямова, настолько бесспорны, что, казалось бы, не могут вызвать ни с чьей стороны какого-либо возражения.

Однако, к нашему искреннему удивлению, статья А. Марьямова вызвала протест со стороны поверенного в делах Италии в СССР господина П. ля Терца, приславшего в редакцию «Литературной газеты» на имя главного редактора официальное письмо.

Подобное письмо, приближающееся по своей форме и сущности к дипломатическому демаршу, присланное в ответ на писательскую статью, напечатанную в писательской газете, представляет собою известный общественный интерес. Поэтому письмо господина П. ля Терца и ответ главного редактора «Литературной газеты» мы сегодня публикуем.

Письмо поверенного в делах Италии в СССР г-на П. ля Терца

Господин Главный редактор!

Открыв последний номер «Литературной газеты», не скрою от Вас, что я остался глубоко огорченным при чтении статьи, озаглавленной: «Предатели. Мистер Сарагат», за подписью А. Марьямова.

Я не знаю г-на Марьямова, но могу сказать Вам, прочитав эту статью, что он является лицом, **совершенно не знающим** всего того, что касается общественной жизни Италии.

Всякий имеет полное право критиковать политических деятелей других стран. В истинной демократии свобода печати и слова должна быть предоставлена каждому гражданину.

Но в рассматриваемом случае г-н Марьямов идет дальше дозволительной критики. **Он оскорбляет.**

Он оскорбляет прежде всего Председателя Совета Министров нации, дружественной СССР, нации, которая около двух лет сражалась вместе с СССР в общей войне против нацизма.

Его Превосходительство г-н де Гаспери, Председатель Совета Министров Италии, не «американский премьер», а выражает наиболее чистым образом истинную итальянскую демократию и волю итальянского народа, который на свободных выборах, произведенных без какого бы то ни было давления, голосовал за него.

Что касается Его Превосходительства г-на Джузеппе Сарагат, являющегося в настоящее время Заместителем Председателя Совета Министров, то для всякого ясно, что автор статьи ведет против него не беспристрастную критику, а бросает ему целый ряд ругательств и инсинуаций.

Все это представляет собой настоящее оскорбление членов иностранного правительства, дружественного СССР.

Я убежден, что Вы, перечитав статью, вполне согласитесь со мной.

Вот почему я прошу Вас, главным образом в интересах того, чтобы не портить, хотя бы в малейшей степени, прекрасных и дружественных отношений, существующих между нашими двумя странами, выразить сожаление в ближайшем номере «Литературной газеты» по поводу появления означенной статьи и, таким образом, возложить ответственность за статью целиком на ее автора.

Заранее выражая Вам свою благодарность, прошу Вас, г-н Главный редактор, принять уверение в моем высоком к Вам уважении.

Поверенный в делах Италии в СССР

П. ля Терца

Ответ г-ну П. ля Терца

Господин поверенный в делах!

С некоторых пор иные дипломатические представители считают возможным совмещать восхваление демократии и демократических свобод с попытками зажать рот литераторам, высказывающим на страницах печати свои взгляды на те или иные события, либо свое мнение о том или ином политическом деятеле.

Так произошло и на этот раз, когда мы поместили статью писателя А. Марьямова, обобщающую факты ренегатства и предательства Джузеппе Сарагата и констатирующую верную службу г. де Гаспери своим американским хозяевам. Все эти факты в свое время обошли мировую печать, и, насколько нам известно, ни один из Ваших коллег, аккредитованных в других столицах мира, не протестовал против опубликования этих сведений.

Так, приблизительно за месяц до того, как «Литературная газета» напечатала статью «Мистер Сарагат», американский журналист Ширер поместил в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» нижеследующие строки:

«В течение длительного времени мы, американцы, вмешивались во внутренние дела Италии, и именно благодаря нашему вмешательству де Гаспери согласился в июне месяце устранить коммунистов из правительства и создать кабинет из христианских демократов и независимых правых, чье большинство в демократически избранном Учредительном собрании является поистине ничтожным».

Не кажется ли Вам, г. поверенный, что м-р Ширер отозвался здесь о г-не де Гаспери именно как об «американском премьере».

Быть может, Ваш вашингтонский коллега направлял по этому поводу соответствующий протест в редакцию «Нью-Йорк геральд трибюн»? Вы, вероятно, информированы об этом. Что же до нас, то нам не довелось видеть на страницах упомянутой газеты ни такого протеста, ни ответа на него.

Из Вашего письма можно заключить, что политика, проводимая гг. де Гаспери и Сарагатом, выражает истинную «волю итальянского народа». Разрешите, однако, напомнить Вам, что говорят по этому поводу в самой Италии общественные деятели, пользующиеся поддержкой и доверием своего народа.

В Турине, в публичной речи, напечатанной затем во многих итальянских газетах, генеральный секретарь социалистической партии Бассо сказал 6 января нынешнего года:

«1948 год начался под знаком проамериканской политики, проводимой председателем Совета Министров де Гаспери и Сарагатом».

Четыре дня спустя с другой итальянской трибуны было произнесено следующее:

«В результате присоединения... партии Сарагата к правительству де Гаспери, в правительство вошли вместе с ним прямые агенты американского империализма, люди, которым американский империализм поручил выразить то, что даже американские журналисты постыдились бы заявить, потому что они чувствуют, что это было бы оскорблением достоинства итальянцев».

Эти слова были высказаны Тольятти в его заключительном слове на VI с'езде коммунистической партии Италии.

Что называете Вы инсинуациями по адресу «Его Превосходительства» г-на Сарагата, господин поверенный в делах?

Утверждение, что он получает деньги от американцев за проводимую им политику?

Однако ни сам Его Превосходительство г-н Сарагат, ни кто-либо другой не опровергал сообщения, переданного из Нью-Йорка агентством АНСА после пресловутой американской поездки г-на Джузеппе Сарагата в конце минувшего лета. В сообщении говорилось о ста тысячах долларов, выданных г-ну Джузеппе Сарагату для его партии взаймы «на основании известных гарантий» и о пятидесяти тысячах долларов, «подаренных» ему профсоюзом дамских портных, опорой американской реакции, подголоском промышленных кругов Уолл-стрит.

Как известно, именно возвратившись из этой поездки, Его Превосходительство г-н Джузеппе Сарагат начал еще более рьяно и откровенно отстаивать в речах и в проводимой им политике интересы американских империалистов. Не ясно ли, что перед нами не простое совпадение, а вступление в силу помянутых «известных гарантий».

Вообще, странные совпадения происходят иногда в результате американских поездок.

Уезжает, например, в Америку Его Превосходительство г-н де Гаспери, затем возвращается домой, и сразу же после его возвращения происходит правительственный кризис и из правительства исключаются левые партии.

А когда тот самый народ, волю которого, якобы, выражает правительство, начинает возмущаться происходящими событиями, в итальянских водах появляются военные корабли под американским флагом, имея на борту десантные отряды морской пехоты. Именно это, повидимому, Вы и называете, г. поверенный в делах, «свободной волей» итальянского народа и отсутствием какого-либо давления.

Отправке морской пехоты на американские военные корабли, находящиеся в водах Италии, сопутствовало публичное заявление г. Трумэна. Цинично попирая итальянский суверенитет, Трумэн сказал: «США должны будут принять меры для сохранения мира и безопасности, если создастся угроза независимости и безопасности Италии». Американское агентство Юнайтед Пресс комментировало это заявление, отбрасывая всякие околичности:

«Посылка десантных войск в Средиземное море рассматривается, как эффективная помощь правительствам Рима и Афин в случае возможного возникновения неожиданного кризиса или беспорядков, в особенности после ухода американских оккупационных войск из Италии».

Это заявление глубоко возмутило каждого итальянца, и многие патриотические газеты потребовали от правительства, чтобы оно выразило свой протест по поводу грубейшего иноземного вмешательства во внутренние дела страны.

Что же ответило правительство, выражающее, по Вашим, г. поверенный, словам, «волю и желания итальянского народа»?

Ваши коллеги в Вашингтоне довели до сведения американских представителей печати, что итальянское министерство иностранных дел никак не намерено реагировать на помянутые действия США. Более того, — «посольство считает это мероприятие американцев обычным», — заявили Ваши коллеги.

Итак, открытое и беззастенчивое вмешательство американцев во внутренние дела Италии представляется нынешним итальянским дипломатическим представителям «обычным», повседневным делом, никак не задевающим их чести. Недаром Ваш, г. поверенный, достопочтимый шеф, Министр Иностранных Дел Италии, Его Превосходительство граф Сфорца поручил своей газете заявить, что «если бы отряды морской пехоты получили приказ высадиться в любом пункте незащищенного побережья, то мы не смогли бы практически воспрепятствовать этому». Чьи именно мысли были выражены графом Сфорца, — явствует из заявлений представителя Государственного Департамента США Клейтона и американского адмирала Леги о том, что Италия может быть уверена в поддержке со стороны США, пока итальянским правительством руководят люди, подобные Сфорца.

Все эти очевидные и общеизвестные факты вынуждают меня отклонить Вашу просьбу, господин поверенный в делах, и не выразить ни малейшего сожаления по поводу того, что на страницах нашей газеты появилась статья, правдиво рисующая облик одного из политических деятелей, предающих свою родину заокеанским империалистам.

Именно чувство дружбы к мужественным сынам Италии, боровшимся против фашизма, а затем, как пишете Вы в своем письме, около двух лет сражавшимся вместе с СССР в общей войне против гитлеризма, заставило советского писателя поднять свой голос, чтобы разоблачить предателя и ренегата, продавшегося, как о нем говорят его соотечественники, «за мешок долларов».

И то, что Вы, господин поверенный в делах, выступаете в защиту предателя, оскорбляющего память тех, кто отдал свою жизнь во имя освобождения Вашей родины и торжества истинной демократии, меня крайне удивляет.

Все вышеизложенное наводит меня на мысль, что не А. Марьямов, а Вы, г. поверенный в делах, **совершенно не знаете** всего того, что касается подлинной общественной жизни Италии.

Главный редактор «Литературной газеты»

В. ЕРМИЛОВ.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ЛОНДОН—ГОРОД ГАНГСТЕРОВ

«Старый Чикаго — традиционное убежище гангстеров, — как будто перекочевал из одной части света в другую и очутился в Лондоне, — пишет английская газета «Дейли миррор». — Этой отчаянной деятельностью занимаются не только преступники и дезертиры разных национальностей, но и «лучшие» представители этой специальности. Америка, видимо, взяла на себя руководство в этой попытке разграбить центр Лондона». Автор статьи призывает в заключение принять самые беспощадные меры для борьбы с «оргией бандитизма».

КОМУ В АНГЛИИ ЖИТЬ ХОРОШО

В чрезвычайно многословных и болтливо-торжественных описаниях церемонии бракосочетания наследной принцессы Елизаветы английская буржуазная печать «упустила» один весьма красноречивый факт: как сообщает прогрессивный журнал «Челлендж», стоимость подвенечного платья принцессы равна зарплате, получаемой в течение 7 лет рабочим средней квалификации, занятым в тяжелой промышленности.

«БЕСПРИСТРАСТНЫЙ» ПРОКУРОР

Недавно главный обвинитель Международного военного трибунала в Токио американец Киннен отдыхал на роскошной вилле вблизи Атами, где он «восстанавливал свои силы» после проведенного им перекрестного допроса подсудимого Тодзио. Как сообщала газета «Старс энд Страйпс», Киннен являлся в данном случае гостем двух бывших японских премьер-министров—адмирала в отставке Кейсуке Окада и Рейдзиро Вакацуки, которые недавно сами гостили у Киннена в Токио.

МЕСЬЕ ВЕРДУ ПРОТИВ ЧАРЛИ ЧАПЛИНА

По сообщению лондонского радио, в парижском суде возбуждено дело против демонстрации кинофильма Чарли Чаплина «Месье Верду».

Дело возбудил французский гражданин Анри Верду, который, как и герой фильма, является банковским служащим. С появлением на парижских экранах фильма Чаплина клиенты, коллеги и знакомые Верду, по его словам, резко изменили к нему свое отношение и сделали его мишенью для насмешек. Используя это обстоятельство, реально существующий месье Верду и возбудил дело против Чаплина, намекая, что он готов довольствоваться солидной компенсацией за причиненный ему «моральный ущерб».

Рис. художника Гроппера в американском прогрессивном журнале «Нью-мэссес». У здания Белого Дома. Гувер, Трумэн и Томас проявляют заботу о человечестве.

СКАНДАЛ В КОРОЛЕВСКОМ СЕМЕЙСТВЕ

Бывший английский король Эдуард VIII решил облагодетельствовать мир своими мемуарами и напечатал их в трех номерах журнала «Лайф». Английская консервативная печать назвала мемуары «скандальными». Автор, которому трудно отказать в данном случае в осведомленности, пишет, что отец его, Георг V, отличался «грубым подходом ко всем человеческим проблемам» и считал даже Черчилля «революционером», а мать ужасалась тому, насколько «потрясающе невежественны» были ее дети. Сам автор признает, что по успеваемости он занимал последнее место среди 59 учеников своего класса в военно-морской школе, но это не мешало ему распоряжаться своим младшим братом, нынешним королем Англии.

ДЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ ПО-АНГЛИЙСКИ

В английской зоне оккупации дети учатся по старым учебникам «догитлеровского» периода.

В хрестоматии для 5-го года обучения немецкие школьники читают: «Наша артиллерия пользуется великолепными орудиями, и пруссак никогда не сдается врагу». И несколько дальше: «Поднять великое знамя битвы! Изо всех пушек: огонь! Ребята, когда целитесь, цельтесь как следует, и никому не спастись от наших цепких когтей!»

В той же хрестоматии некий «доктор» Поль Грабайн откровенно восхваляет пушечного короля и поджигателя войны Круппа: «Умер Альфред Крупп... Великая, полная трудолюбия жизнь погасла. Но его дело живо, оно вдохновляет сотни тысяч людей, оно служит примером патриотического труда и остается славной страницей истории нашей немецкой родины...»

ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ ДИКАРИ

ПРИВИДЕНИЯ В АНГЛИИ

Помещаемая нами статья представляет собой текстуальную запись радиобеседы, переданной из Лондона на Австрию 14 января в 13 час. 30 мин. дня. Обращают на себя внимание та обстоятельность и глубина, с которыми автор беседы—некий Лео Кортона — подошел к затронутой им актуальнейшей проблеме...

Англия — классическая страна духов и родина историй с привидениями. Духи постоянно фигурируют в произведениях английских писателей—от «Гамлета» Шекспира до «Кентервилльского привидения» Уайльда. Привидения в Англии — совершенно такое же явление, как термиты в Америке. Они тоже живут в старых домах, и от них так же трудно избавиться, как от термитов. Правда, хотя я живу в Англии уже десятый год, я еще ни разу не встречался с привидениями. Но это об'ясняется, вероятно, тем, что я живу в недостаточно старом доме, или тем, что английские духи бойкотируют иностранцев.

Английский институт общественного мнения опубликовал недавно результаты своей анкеты, которая была распространена среди самых различных слоев английского общества. Вопрос анкеты гласил: «Верите ли вы в существование привидений?» Ответы были получены довольно конкретные: 36 процентов опрошенных мужчин и женщин не ограничились расплывчатыми обобщениями, а ясно и безоговорочно ответили «да». Женщины чаще верят в привидения, чем мужчины. Соотношение женщин и мужчин, верящих в привидения, — 3 : 2. Но и те, кто ответил на вопрос отрицательно, зачастую выражались крайне осторожно. Одна домашняя хозяйка писала: «Нет, я не верю в привидения днем». Другая домашняя хозяйка заявила: «Конечно, никаких привидений нет. Но и за 1000 фунтов стерлингов вы не заставите меня переночевать в доме, где водятся духи».

В Англии существует целое об'единение медиумов, своего рода профсоюз, который выдает своим членам специальные дипломы. Существует спиритуалистический клуб, во главе которого стоит небезызвестный Гарри Прайс, который постоянно охотится за духами. Ему помогают 100 добровольных сотрудников. Книга Прайса «Дом, где много привидений» вышла в 1939 году и сейчас переиздается снова.

Одним из наиболее примечательных событий 1947 года, связанных с привидениями, был случай, когда один домохозяин обратился в налоговую инспекцию с просьбой снизить налог на его дом, так как в нем водятся привидения. Этому дому уже 300 лет. 250 лет назад в нем скрывался один известный английский разбойник. Предполагают, что именно его дух обитает там до сих пор. Налоговая инспекция обследовала дом, но не снизила налога, взимаемого с измученного привидениями владельца.

Такова, так сказать, демократическая сторона вопроса. Проблема привидений имеет и свою аристократическую сторону. Многие английские дворяне имеют духов в своих фамильных замках и очень гордятся ими. Даже в одном королевском замке, где с незапамятных времен воспитывались все принцессы английского королевского дома, живет привидение, которое изображают в виде рыжего великана. Предполагают, что это дух Малькольма, короля шотландского. Принцесса Маргарет спросила в детстве, что означают булькающие звуки под ванной. Ей об'яснили, что там живет бедное привидение, которому нет места в других комнатах. На другой день около отверстия для выпуска воды из ванны принцесса положила кусочек колбасы для того, чтобы бедный бесприютный дух, который, вероятно, очень голоден, пробавляясь только мыльной пеной, мог позавтракать. Считается, что в королевском замке живет дух Екатерины Говард, жены Генриха VIII, казненной им за прелюбодеяние. Но ночам привидение появляется и издает душераздирающие крики. Если бы удалось собрать фотографии всех известных английских духов, то получился бы толстый том — некий Готский альманах английских привидений.

Англичане суеверны, вероятно, потому, что они верят в свое прошлое и его нерушимость.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДИСКУССИИ

Читатели о „Кружилихе"

Обсуждение нового романа В. Пановой, организованное «Литературной газетой» на одном из московских заводов, вызвало живой интерес среди рабочих и инженерно-технической интеллигенции. В читальном зале клуба собрались рабочие, инженеры и служащие завода. На вечере присутствовали работники «Литературной газеты», журнала «Знамя», критики А. Ивич, Н. Калитин.

В глубоко продуманных, содержательных и взволнованных выступлениях читателей сказалась их горячая заинтересованность в процветании советской литературы, стремление помочь успешной работе писателей.

— Мы благодарны В. Пановой за то, что она в своем романе попыталась нарисовать жизнь большого советского завода, — говорили выступавшие. — Книга, несомненно, талантлива, читается она с большим интересом, вызывает много мыслей.

Но, как показало обсуждение, роман в целом не удовлетворил читателей. Главный упрек заключался в том, что писательница не сумела создать реальную и ясную картину жизни большого, сложного заводского коллектива, правдиво показать характеры представителей советского рабочего класса. Причина этого, по мнению большинства читателей, в том, что В. Панова изображает людей вне того дела, которое является основным в их жизни.

— Я проработал более 20 лет на руководящей работе, — сказал зам. директора завода тов. **Эйдельман**, — и мой опыт и мои наблюдения заставляют меня усомниться в том, что Листопад хороший директор, хороший организатор, каким рекомендует его Панова. Она ведь нигде не показала, как он руководит коллективом, в чем его организаторский талант советского хозяйственника, в чем проявляется его чувство ответственности перед государством. Генерал Листопад — генерал без армии. Он показан вне коллектива, а в жизни так не бывает. Без повседневной тесной связи с заводским коллективом ни один директор не может успешно осуществлять руководство. Листопад же не интересуется даже мнением парторга и предзавкома.

Образ Листопада не может ничему научить, он беднее, ограниченнее, чем его прототипы в жизни.

Парторг цеха, мастер тов. **Поляков** посвящает свое выступление изображению партийной организации в романе. Он напоминает собравшимся о постановлениях ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства и докладе тов. А. А. Жданова. По его мнению, некоторые писатели, и в том числе В. Панова, еще не смогли приблизиться к решению тех задач, которые ставит наша партия перед литераторами. И, в первую очередь, они не научились показывать ведущую, организующую роль партии в каждом живом деле.

— Я работаю на производстве 21 год, — говорит тов. Поляков. — Вырос на заводе, влюбился, женился, вся моя жизнь прошла здесь. Был на партийной, на комсомольской работе. И вот читаю «Кружилиху» — как будто о советском производстве написано, и в то же время как о каком-то малознакомом мне мире. Не чувствую я здесь главного — заводского коллектива, кипучей жизни большой партийной организации.

К его мнению присоединяется главный механик завода тов. **Соколов.** — Странное место отведено в книге парторгу Рябухину. Это какой-то безвольный, бесхребетный человек, влюбленный в Листопада, но никак не влияющий на жизнь завода. Партийной организации, мобилизующей людей на выполнение ответственных задач, мы в книге не видим.

Почти все выступавшие касались образа Уздечкина и его конфликта с Листопадом. И Листопад и Уздечкин ведут себя настолько непартийно, что взаимоотношения их кажутся надуманными и просто невозможными в жизни.

— Сам Уздечкин — это какой-то неудачник, растерявшийся, не находящий себе места человек, которому совсем не пристала роль руководителя, — говорит тов. **Плеханова,** член цехового профкома.— Такой человек не только председателем завкома, даже группрофоргом не мог бы быть, его бы через две недели сняли. Совершенно непонятно, за какие заслуги Уздечкина избрали на такой ответственный пост.

— Самый конфликт между Уздечкиным и Листопадом выдуман, — говорили многие из выступавших.— В жизни не бывает таких взаимоотношений между директором завода и председателем заводского комитета. Оба — представители партии, оба выполняют важнейшую государственную задачу и никак не могут сговориться. Если бы это даже и было в действительности, то через неделю кого-то из них надо было бы отстранить от руководства.

Комсорг цеха тов. **Цапко** упрекает писательницу в том, что она не показала роли комсомольской организации на заводе и не раскрыла значения труда молодежи в годы Великой Отечественной войны.

— По заявлению автора, — говорит он, — на Кружилихе 35 процентов молодежи, но почему же из этих 35 процентов она показала только двух-трех человек? Сашу Коневского, ошалевшего от любви к Лидочке, да самую Лидочку, которая явно плохой человек. Саша, по словам Пановой, хороший комсорг, но почему мы должны ей верить на слово? Ведь он только один раз появляется в цехе, среди молодежи.

— Крупным недостатком этого талантливого произведения, — говорит тов. **Пастернак**, инженер завода, — является то, что в нем не показан по-настоящему коллектив, его общественное воздействие на людей, хотя говорится об этом много. Характерна в этом отношении судьба Тольки. О нем рассказывается, как он убегает с завода в деревню, как он с упоением читает «Монте-Кристо», а вот как комсомол из Тольки делает настоящего человека,— совершенно не показано.

Тов. Пастернак, как и работник заводской многотиражки тов. **Малышев**, отмечают большое значение романа В. Пановой — произведения, ставящего перед читателями очень серьезные вопросы нашей жизни. Они указывают, что писать о героизме повседневного труда на нашем производстве, как показал опыт нашей советской литературы, очень трудно, и поэтому почин Пановой заслуживает поощрения. Тов. Пастернак, в частности, считает, что писательница очень правильно отметила некоторые недостатки в личных взаимоотношениях людей. По ее мнению, многие идеальные производственники относятся нередко к своим близким людям так, как Листопад к Клаве. Но беда в том, что Панова только указывает на это явление, тогда как от советского писателя требуется большее, — указать, как герои преодолевают свои недостатки, чтобы научить этому других.

На вопросе личных взаимоотношений между Листопадом и Нонной Сергеевной, Коневским и Лидочкой останавливаются и тт. Плеханова, Цапко, Полонский.

Многие выступавшие приводили отдельные детали, свидетельствующие о недостаточном знакомстве писателя с реальными условиями завода и жизни людей. В частности, всех удивило, что наша победа, являющаяся наиболее памятным моментом в жизни каждого советского человека в описываемый Пановой период, не нашла никакого отзвука в романе, в чувствах героев.

Нежизненным представляется тот факт, что на военном, засекреченном заводе, выпускающем сугубо военную продукцию, все основные конструкторские работы ведутся на частной квартире.

Невероятно, что Листопад только случайно при обходе завода обнаруживает, что его завод стал выпускать продукцию мирного времени (чугунные решетки для городского сада). Совсем не реально, что лучший стахановец завода, Костя Бережков, человек, нужный производству, как воздух, ибо он должен воспитывать новые кадры, внезапно уходит с завода, и директор узнает об этом только много времени спустя, и т. д.

Общим мнением было, что В. Панова слишком торопливо написала свой роман. Она показала, что бывает за сценой, но не показала главного — что же есть на сцене. «В книге не только нечему поучиться, но для читателя, который не знает заводского коллектива, она создает искаженное представление о характерах и взаимоотношениях людей». Участники обсуждения выразили единодушное желание, чтобы писательница исправила недостатки своего романа и создала книгу, которая будет воспитывать читателя и явится произведением, правдиво изображающим героический труд советских людей.

Против обывательщины

На-днях на совместном заседании двух секций Союза советских писателей—секции прозы и секции критики и теории литературы — под председательством К. Федина состоялось обсуждение романа В. Пановой «Кружилиха».

Пожалуй, давно не было на обсуждениях в Союзе писателей такого резкого разделения выступающих на две группы, такого размежевания мнений и — что необходимо добавить, — наряду с правильными принципиальными выступлениями, и таких откровенно аполитичных, эстетских, обывательских выступлений.

Неясность писательской позиции В. Пановой по отношению к героям «Кружилихи», об'ективизм, отличающий роман, вызвали радостное оживление у некоторых критиков и писателей, которые пошли гораздо дальше В. Пановой и использовали ее роман для довольно странной в наши дни пропаганды беспартийности в литературе.

Л. Субоцкий, детально анализируя роман, справедливо указал на его недостатки.

А. Тарасенков об'явил, что Л. Субоцкий подошел к произведению В. Пановой с устаревшей точки зрения, с «примитивной схемой». Сейчас, по его мнению, необходим «новый метод» оценки. Этот новый метод весьма наглядно продемонстрировал в своем выступлении сам А. Тарасенков. Прежде всего, он об'явил, что судьба Николая Островского — это судьба исключительного человека, что с ним нельзя сравнивать рядовых советских людей, подобных героям «Кружилихи»; Николай Островский, мол, не типичен для них, потому что «рядовые труженики не преодолевают таких страшных биологических трагедий и душевных конфликтов».

Удивительную, мягко выражаясь, наивность обнаружил здесь критик А. Тарасенков, примитивно, схоластически истолковывая типическое, как наиболее часто встречающееся, не понимая, что в Николае Островском и его герое нашли яркое и глубоко типическое воплощение лучшие качества передового советского человека.

Яснее всего раскрылся «новый метод» А. Тарасенкова при определении им основной идеи «Кружилихи».

— Мне кажется, — заявил он, — что идея морально-политического единства советского народа легла в основу как «Кружилихи», так и «Спутников». Доктор Белов, комсомолка Лена Огородникова, Юлия Дмитриевна и рядом эгоистический слизняк доктор Супругов могли оказаться совместными участниками одного и того же дела, а этот самый Супругов, несмотря на целый ряд мелкобуржуазных поступков, был вынужден подчиниться огромной целеустремленной силе советских людей и даже помимо своего желания на какой-то момент оказаться героем.

В этом путанном заявлении неверно все с начала и до конца.

А. Тарасенков не понял того, что роман «Кружилиха» явился для В. Пановой шагом назад по сравнению с повестью «Спутники». Доктор Супругов стоял особняком, вне коллектива санитарного поезда, и В. Панова дает ему ясную моральную оценку.

А в «Кружилихе» персонажи, напоминающие по своим отрицательным чертам Супругова, например, шофер Мирзоев, не получают критической оценки автора. Панова ко всем относится одинаково благожелательно, все у нее одинаково участвуют в строительстве социализма.

А. Тарасенкова рассердил упрек Л. Субоцкого по адресу Пановой, не показавшей в «Кружилихе» завода и заводского коллектива.

— Какой это страшно стандартный, страшно несвежий упрек, — с кокетливой брезгливостью восклицает критик.

Особенное возмущение вызывает выступление Г. Мунблита. Главная прелесть книги Пановой, по его мнению, в том, что нельзя определить, какой персонаж положительный и какой отрицательный.

— Я познакомился с книгой, с людьми, живыми и интересными, и часто не могу сказать, нравятся они мне или не нравятся. Мне интересно с такими несовершенными людьми, которые меняются, к которым меняется мое отношение, с такими мне интересно встречаться, — с независимым видом заявил Г. Мунблит.

Других критериев в оценке произведения, кроме «мне нравится» или «мне не нравится», у Мунблита не было.

Все его эстетское выступление было построено на чистейшей вкусовщине и направлено против принципа партийности нашей литературы.

В конце своей речи Г. Мунблит с грустью сообщил о том, что у нас выработалось эдакое стандартное, отрицательное отношение к ошибкам писателей. Это очень прискорбно, по мнению Г. Мунблита, так как существуют, как он выразился, «очаровательные ошибки». Можно только сказать, что все выступление Г. Мунблита было сплошной ошибкой, но, увы, далеко не «очаровательной».

Г. Мунблита поддержал А. Письменный. Он тоже жалостливо посетовал на какой-то якобы существующий у нас стандарт критической мысли, на то, что критика, по его мнению, оказалась не способной понять новое произведение Пановой. А вот тов. Письменный, оказывается, понял.

— В этом произведении совсем нет отрицательных героев, — радостно сообщил он. — В романе все — советские люди, и Листопад, воспитанный советской властью, и бывший кулак, если хотите. Мирзоев — пошляк, ловкач, человек низкопробный,— также показан, как настоящий советский человек.

Именно это и вызывает умиление А. Письменного. Однако его заявление не только несуразно, оно содержит явный клеветнический выпад против советских людей, их высоких идейных и моральных качеств.

Еще более откровенно это высказал Л. Питерский. Он сразу же заявил:

— Я сейчас выступлю, в первую очередь, в защиту кулаков.

Далее он пространно и обстоятельно пояснил, что в каждом советском человеке есть капиталистическая скверна, и от нее избавиться почти невозможно. «Абсолютно хороший человек—это самая отвратительная вещь, какую только можно себе представить», — заявил оратор, повторяя заповеди Достоевского.

Эта вреднейшая теорийка, вполне уместная в устах «человека из подполья», была подкреплена у Л. Питерского выпадами против партийности нашей литературы.

Нет нужды далее излагать все эти выступления. Сказанного достаточно для того, чтобы понять, что существуют еще среди писателей и критиков люди, ничего не понимающие ни в нашей жизни, ни в нашей литературе, люди, использующие любой повод, любую лазейку для протаскивания вредных, не партийных взглядов на искусство.

На обсуждении были и содержательные, по-большевистски принципиальные выступления.

В заключительном слове Л. Субоцкий резко критиковал выступления Л. Питерского, Г. Мунблита и других.

Интересна была речь Т. Мотылёвой. По ее мнению, в «Спутниках» у В. Пановой появилось гораздо больше умения ненавидеть и отрицать плохое в человеке, чем в «Кружилихе». Такого изображения отрицательного персонажа, как изображение Супругова в «Спутниках», в новом произведении Пановой нет, хотя есть персонажи, в сущности, аналогичные Супругову. Но отношение автора к ним совсем иное.

—В «Спутниках»,—говорит Т. Мотылева, — старое и новое были показаны в состоянии конфликта, в состоянии борьбы. В «Кружилихе» черты старого и нового сожительствуют, сосуществуют, и поэтому активной ненависти к собственническому, мещанскому, эгоистическому началу, которое может еще встречаться в нашей жизни, как пережиток прошлого, в новом романе Пановой нет.

Верные наблюдения были высказаны в выступлении Е. Златовой и других.

Однако ценность обсуждения была значительно снижена политически и теоретически неверными выступлениями, смысл которых сводится к превознесению беспартийности в литературе. Вряд ли такое обсуждение принесло пользу писательнице В. Пановой, присутствовавшей на вечере, так как горе-критики звали ее не вперед, а назад, поддерживали в ее творчестве не то передовое и талантливое, что составляет его силу, а слабое и отсталое.

От редакции

В сегодняшнем номере газеты редакция заканчивает литературную дискуссию, посвященную роману В. Пановой «Кружилиха».

Живой интерес, вызванный «Кружилихой» среди самых разнообразных кругов читателей, свидетельствует о том, что писательница остановила свое внимание на одной из наиболее важных и к тому же мало освещенных в литературе тем нашей действительности, — новые люди советского рабочего класса. Своеобразное дарование В. Пановой, особенности которого метко охарактеризованы в статье В. Смирновой, ее умение перевоплощаться при изображении самых различных характеров, тонкость психологического анализа, богатство и разнообразие художественных средств, пластичность и выразительность отдельных образов — все эти несомненные достоинства таланта В. Пановой позволили ей развернуть в романе «Кружилиха» увлекательное повествование.

Однако подлинная правда жизни нередко подменяется в романе кажущимся правдоподобием.

Такое правдоподобие обмануло лишь отдельных критиков (например, А. Тарасенкова), побудило их стать на безоговорочную защиту романа, открыть в нем даже такие достоинства, которых в нем нет, и, следовательно, дать неверную, захваливающую оценку книге.

Большинство принимавших участие в обсуждении резко критиковало роман и правильно указывало на то, что В. Панова спутала реалистическую правду с натуралистическим правдоподобием (В. Гоффеншефер), на духовную бедность и ограниченность интересов ее героев (Н. Калитин), на то, что писательница не показала связь и **взаимодействие** человека с обществом (А. Ивич), а также и на то, что В. Панова просто плохо знает среду, которую она взялась изображать, и реальные условия работы завода (мнение читателей-рабочих).

Анализ произведения, данный в статье В. Смирновой «У заводских ворот» («Литературная газета» № 4, 1948 г.), убедительно раскрывает, в чем состоит порок романа «Кружилиха». Редакция присоединяется к основным положениям этой статьи.

Неудачи романа вызваны тем, что писательница, стремясь показать заводской коллектив, остановилась перед заводскими воротами. Недостаточно зная производство и не проявив к нему особого интереса, она пошла в обход и сосредоточила свое внимание на второстепенном. Однако вне завода нельзя до конца понять тех, кто на нем работает. В. Панова изображает героев вне их общественной, партийной и производственной деятельности, она не ставит своих героев, которых, очевидно, считает типическими, в типические обстоятельства, а искусственно изолирует их, помещая в замкнутую сферу частной жизни, развивающуюся, как ей кажется, по своим, особым законам. Таким образом, автор романа нарушает один из основных законов социалистического реализма — изображение типических характеров в типических обстоятельствах.

Нельзя не отметить, что автор склонен, как это показывают, в частности, завершающие роман размышления Листопада, недооценивать роль коммунистического мировоззрения в характере передового советского человека, определяющее влияние этого мировоззрения на все его поведение. В размышлениях Листопада В. Панова наивно противопоставляет научно обоснованному мировоззрению эдакую «простодушную, душевную веру». Точная и ясная идейно-политическая постановка вопроса подменяется отвлеченными и расплывчатыми морально-этическими понятиями.

В. Панова нарушает также и другой не менее важный закон социалистического искусства. Задачу писателя—отбирать ростки нового в характере людей и явлениях нашей жизни и создавать типические образы, указывающие путь вперед, она подменила пассивной, об'ективистской регистрацией дурного и хорошего, злого и доброго, ничтожного и великого. Вместо активного вторжения в жизнь писательница заняла позицию своеобразного «невмешательства». Она, по существу, отказалась от идейно-моральной оценки своих героев и приемлет их со всеми их и хорошими, и дурными чертами. Писательница «отпускает» героям все их грехи на том основании, что, дескать, все они — советские люди. Таким образом, в число советских людей попадают и явные пошляки вроде Мирзоева. Это привело В. Панову к прямому искажению образов советских людей, в характере которых новое, передовое является ведущим, активно борется со старым, отживающим и побеждает его.

Отказ от критической оценки изображаемого об'ективно привел автора романа к отрицанию необходимости бороться со всем отжившим, старым и, следовательно, помимо воли автора, к отрицанию принципа партийности в литературе.

Не случайно некоторые эстетствующие критики, видящие в литературе лишь предмет для «самоуслаждения», поспешили ухватиться за эту творческую ошибку писательницы, подняли ее «на щит», заявив, что именно в этой пассивной, об'ективистской позиции автора и состоит вся ценность книги. При этом они пошли куда дальше того, что хотела сказать сама В. Панова.

Ошибки романа В. Пановой весьма поучительны. В произведении, написанном талантливо и ярко, они особенно бьют в глаза. Даже даровитый писатель, если он недостаточно знает жизнь и бесстрастно, пассивно воспроизводит ее, оказывается позади жизни и, в лучшем случае, создает произведения, которые неполно, неверно отражают истинное, вдохновенное лицо нашей героической советской эпохи.

Подводя итоги дискуссии, редакция считает, что обсуждение книги В. Пановой сыграло положительную роль в определении путей развития советской прозы.

А. КАЛАШНИКОВ
министр просвещения РСФСР

УЛУЧШИТЬ ПРЕПОДАВАНИЕ РОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Перед советской школой стоит задача подготовить поколение, способное завершить построение коммунизма. Эта задача осуществляется всей системой учебно-воспитательной работы школы. Некоторые учебные предметы имеют в этом отношении особое значение. К числу таких предметов относится прежде всего художественная литература.

Об исключительном значении литературы в области коммунистического воспитания молодежи говорил тов. А. А. Жданов, указывая, что литература должна помочь «партии и народу воспитывать молодежь в духе беззаветной преданности советскому строю, в духе беззаветного служения интересам народа».

Чернышевский называл литературу «учебником жизни». Изучая лучшие произведения русской классической и советской литературы, школьники учатся познанию жизни. Каждое из этих произведений расширяет их знания и культурный кругозор, обогащает их мысли и чувства. Молодежь приобщается к культурным сокровищам своего народа, учится любить родную литературу и гордиться ее величием и мировым значением.

На лучших образцах советской литературы школьники познают моральное величие советского человека, неизмеримое превосходство коммунистической морали над моралью буржуазной, социалистической культуры над растленной культурой капиталистического общества.

Над разрешением задачи улучшения преподавания литературы напряженно работает творческая мысль советского учительства. Среди преподавателей литературы есть тысячи замечательных мастеров педагогического труда, которые достигают прекрасных результатов в своей работе. Уроки литературы этих учителей являются образцом подлинной научности и высокой идейности. К числу таких учителей относится тов. Перепелицына (школа № 610 г. Москвы), тов. Райхин (школа № 19 г. Москвы), тов. Иванов (школа № 138 г. Ленинграда), тов. Кугрышева (г. Саранск) и др.

Однако не везде и не всегда литература преподается у нас должным образом. В преподавании литературы нередки формализм и шаблонность, низкий научный уровень и вульгаризация. Встречаются у отдельных учителей аполитичность и безидейность. Далеко не полностью еще изжиты раболепие и преклонение перед буржуазной культурой и буржуазными авторитетами.

Школьные учебники и действующие программы по литературе также еще очень далеки от того, чтобы удовлетворять тем требованиям, которые справедливо пред'являются к ним учителями и советской общественностью.

«Литературная газета» в № 66 от 24 декабря 1947 года совершенно правильно остро поставила вопрос о недостатках в преподавании родной литературы.

В газете дана справедливая критика учебника «Русская литература» для VIII класса, составленного Н. Поспеловым, П. Шаблиовским и А. Зерчаниновым. Учебник этот не отвечает требованиям школы и безусловно подлежит замене другим. В нем чрезмерно подчеркнута роль западноевропейской культуры и литературы, ее влияния на русскую литературу, что особо сильно чувствуется в главах о классицизме, сентиментализме и романтизме. Переоценивая влияние Запада, авторы вместе с тем излишне подчеркивают отсталость России в допетровский период. Они недостаточно ярко и полно показывают гневный протест великих русских писателей против национального самоунижения и низкопоклонства господствующих классов дореволюционной России перед Западной Европой и ее культурой.

Учебник не раскрывает мирового значения русской литературы. В частности, ничего не сказано о мировом значении гения русской литературы А. С. Пушкина.

Учебнику свойственны также и другие недостатки, которые частично отмечены в «Литературной газете». Он написан тяжелым языком, перенасыщен иностранными словами, отличается излишним нагромождением фактов, фамилий и т. д.

Учитывая явную неудовлетворительность этого учебника, Министерство просвещения РСФСР организовало конкурс на составление нового учебника по литературе для VIII класса. В настоящее время авторы, проспекты которых одобрены жюри конкурса, работают над составлением новых учебников. Однако, учитывая, что редакционная и техническая работа по подготовке нового учебника займет длительное время и что он попадет в школу только в 1949/50 учебном году, Министерство просвещения организовало работу по исправлению существующего учебника для его переиздания в 1948 году. В учебник внесены существенные исправления, и он освобожден от тех грубых ошибок, которые были отмечены выше. Серьезным недостатком книги остается тяжеловесный язык, который полностью исправить невозможно.

«Литературная газета» справедливо поставила также вопрос о недостатках действующей программы по литературе для VIII—X классов средней школы. Крупнейший недостаток этой программы — неудовлетворительно составленный раздел о литературе советской эпохи.

Учитывая это, Министерство просвещения пересматривает в настоящее время программы по литературе для VIII, IX и X классов и усиливает в них, главным образом, раздел о советской литературе.

Кроме того, Министерство просвещения разрабатывает новую программу по литературе, рассчитанную на 11-летнее обучение в средней школе. В проекте учебного плана и программы 11-летней средней школы на изучение советской литературы отводится целый год (11-й год обучения). Составленный проект сейчас обсуждается с учителями, методистами и научными работниками.

Правильно поставлен также в «Литературной газете» вопрос о необходимости обеспечить школу текстами произведений художественной литературы.

«Дешевая школьная библиотека», о которой идет речь в «Литературной газете», до войны издавалась Гослитиздатом. Однако во время войны это издание было прекращено. Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР выпускает так называемую «Школьную серию», которая охватывает произведения русской классической и советской литературы.

За один только 1947 год в этой серии вышло 105 названий с общим тиражом свыше 10 млн. экземпляров. Предусматривается дальнейшее увеличение этой серии.

Однако всей потребности школы в текстах произведений художественной литературы Детгиз все же не может удовлетворить, и «Литературная газета» справедливо указывает на необходимость возобновления серии «Дешевая школьная библиотека». Совершенно необходим также выпуск сборников высказываний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о литературе и сборников литературно-критических статей об отдельных писателях. В этом отношении школе должны помочь Гослитиздат, издательство «Советский писатель» и областные издательства.

Вполне разделяя критику статьи М. Фатеева «Идейно-политическое воспитание на уроках литературы», помещенной в сборнике «Идейно-политическое воспитание учащихся в школах Москвы и Ленинграда в 1946—47 учебном году», Министерство просвещения считает, что сборник этот в целом представляет собой достаточно ценное пособие для преподавателей ряда предметов, в том числе и литературы. Сборник этот включает статьи об опыте работы лучших учителей, в том числе и таких прекрасных преподавателей литературы, как тт. Кочановская и Филипченко.

Мы полагаем, что вопросы, поставленные «Литературной газетой», — это только начало дальнейшей совместной работы школы и советских писателей по улучшению литературного образования и воспитания нашей молодежи.

Необходимо привлечь к обсуждению учебников, программ и методических пособий по литературе наших писателей и критиков. В частности, очень полезно было бы организовать в Министерстве просвещения с участием писателей дискуссию о преподавании литературы в школе.

Несомненно, что те материалы по вопросам преподавания литературы, которые уже опубликованы в «Литературной газете» и которые, я надеюсь, будут помещаться в дальнейшем, вызовут живой обмен мнениями со стороны учителей, писателей и литературоведов и тем самым помогут повысить качество преподавания литературы в советской школе.

Помощь Союза советских писателей школе в улучшении преподавания литературы конкретно могла бы выразиться в следующем: участие писателей и критиков в создании учебников, учебных пособий, составлении хрестоматий, в рецензировании, редактировании книг и пособий, включаемых в план Учебно-педагогического издательства; участие в заседаниях Коллегии Министерства просвещения РСФСР и заседаниях Учебно-методических комиссий Управления школ и ГУВУЗ'а по программно-методическим вопросам; составление сборников литературно-критических статей по советской литературе в помощь учителю и учащимся старших классов; выделение руководителей для творческих литературных кружков в школах и дворцах пионеров.

Все эти мероприятия вполне осуществимы и окажут несомненную помощь школе.

Наша советская литература создала много замечательных произведений, запечатлевших величие сталинской эпохи и показывающих героический образ советского человека. Однако среди произведений советской литературы почти нет книг, показывающих работу советской школы.

«Фаланга народных учителей, — писал товарищ Сталин еще в 1925 году, — составляет одну из самых необходимых частей великой армии трудящихся нашей страны, строящих новую жизнь на основе социализма».

Между тем, образ советского народного учителя до сих пор не нашел еще своего художественного воплощения на страницах книг советских писателей.

Миллионная армия советских учителей ждет от наших писателей подлинно художественных произведений о школе и учителе. Исключительный успех фильма «Сельская учительница» показал, в какой мере эта тематика необходима в нашей литературе, театре и кино.

Повседневная связь с учительством и школой дала бы нашим писателям богатейший материал для создания замечательных художественных произведений о советском учителе.

Но наш счет писателям не ограничивается этим требованием. Писатели в долгу перед советской школой и в другом отношении. Я имею в виду детскую художественную литературу. Советская детская литература, безусловно,—самая передовая, самая идейная и художественная из всех детских литератур мира. Однако требования наших детей и юношества растут с каждым днем. Наши школьники хотят иметь возможность читать разнообразные книги, охватывающие все стороны нашей социалистической действительности, ждут они и хорошей книги о жизни школы и советских школьников. Такие книги должны быть созданы нашими писателями.

Коммунистическое воспитание детей и молодежи — это не только дело школы, но и всего советского народа. Наши писатели должны быть первыми помощниками школы в осуществлении высоких и ответственных задач, поставленных перед ней партией и правительством.

Содружество геологов и писателей

Беседа с министром геологии СССР тов. И. И. Малышевым

В связи с напечатанной в № 3 «Литературной газеты» от 10 января статьей П. Фролова «Выслушайте разведчиков недр», министр геологии СССР тов. И. И. Малышев в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» указал на неразрывную связь, существующую между развитием всех отраслей народного хозяйства и успехами советской геологической службы.

— Истекшие 30 лет социалистического строительства, — сказал тов. Малышев,— были годами, когда недра нашей страны, составляющей одну шестую часть поверхности земного шара, своими минерально-сырьевыми ресурсами обеспечили фронт огромной стройки в нашем отечестве.

Партия и правительство уделяют геологической службе особое внимание. По личной инициативе товарища Сталина правительство приняло важные решения, подчеркивающие, что геолого-разведочные работы являются одним из важнейших участков народного хозяйства.

Уже не сто — сто пятьдесят человек, представлявших всю «геологическую службу» дореволюционной России, а многотысячная армия ученых, инженеров, геологов-с'емщиков, геологов-поисковиков, геологов-разведчиков, геофизиков и других специалистов своим самоотверженным трудом вносит большой вклад в дело осуществления сталинских пятилеток.

Буровые станки, позволяющие проникнуть на глубину 3—4 тысяч метров, аэромагнитометры, электрические сейсмографы, сейсмические станции и другие виды нового оборудования для геологических изысканий приняты на вооружение советскими геологами. Новые скоростные аэрогеодезические и геофизические методы стали обычными в работе. Десятки и сотни самолетов, оснащенных новейшими приборами, облегчают и ускоряют труд советских геологов. Близок день, когда на геологической карте Советского Союза исчезнут белые пятна.

Не двадцать элементов Менделеевской таблицы, как это было в дореволюционные годы, а свыше восьмидесяти добываются из недр нашей страны. Создаются все условия для обеспечения послевоенных пятилеток минерально-сырьевой базой.

Известно, что работа геолога в значительной степени предопределяет успех не только тяжелой промышленности, но и сельского хозяйства, а также и других отраслей народного хозяйства. Так, открытые советскими геологами крупнейшие в мире месторождения фосфоритов в Казахской ССР, калийных солей в районе Соликамска, хибинских апатитов создали неисчерпаемые запасы искусственных удобрений для полей нашей страны.

Осушение земель и их орошение, ликвидация мертвых зон пустынь Голодной степи и каракумских песков являются во многом результатами работ советских геологов. Создание колхозных гидроэлектростанций, устройство плотин и проведение других грандиозных работ для избавления отдельных районов от угрозы засухи — во всем этом участвуют творческая мысль и труд советских геологов.

Кто может себе представить, что сахар и растительные масла, которые мы употребляем каждый день, также связаны с деятельностью наших геологов? А ведь для очистки сахарной мелассы необходимы диатомиты (пористые кремнистые породы), а для отбелки растительных масел и жиров нужны особые глины. Автомобилизация нашей страны зависит не только от металлов, но и от асбеста, без которого не может быть изготовлена тормозная лента для автомобиля. Резиновой промышленности необходимы каолин и мел для изготовления каучука. Каолин и тальк вводятся в древесную массу и для получения бумаги. Эти примеры можно многократно умножить.

Все большее значение в строительстве наших городов и заводских поселков приобретает инженерная геология. Сложнейшие геологические изыскания были выполнены и выполняются в настоящее время при сооружении Московского метрополитена. Такая же грандиозная работа была проделана в свое время геологами при строительстве канала Москва—Волга.

Открытию месторождений полезных ископаемых помогает активно население. Без помощи колхозников, школьников, туристов, сибирских охотников и пастухов многие месторождения полезных ископаемых, возможно, оставались бы неизвестными. Все помнят о недавнем награждении орденом Ленина первооткрывателя Воркутского каменноугольного месторождения колхозника Попова. Первый алмаз в России был найден в прошлом столетии крепостным мальчиком Поповым, а уральское золото в 1745 году — уральским рабочим Е. Марковым. Таких примеров немало.

Всякая геологическая работа синтетически сочетает в себе работу инженера и ученого-исследователя. Успехи геологических исследований нашей страны, создание самой мощной в мире минерально-сырьевой базы зависят от благотворного сочетания геологической науки и геологической практики, которое возможно только в условиях социалистического хозяйства.

Министерство геологии СССР и все советские геологи горячо приветствуют стремление редакции «Литературной газеты» широко освещать деятельность геологов, вопросы их быта. Мы благодарим писательскую общественность за ту помощь, которую она оказывает в интересах лучшего оснащения геологических партий, в интересах выполнения всеми нашими поставщиками их обязательств.

Советский писатель, вникая в работу геологов, найдет много волнующих тем. Геофизические методы исследования, геохимия, радиолокация в применении к геологическим исследованиям могут дать интересный материал для рассказов, романов, для научно-фантастических произведений, столь необходимых нашей молодежи.

Содружество писателей и геологов, несомненно, будет встречено с большим удовлетворением миллионами читателей в нашей стране — от юного школьника до убеленного сединами ученого.

Избранные произведения А. П. Чехова на узбекском языке выпускает Узбекское государственное издательство в Ташкенте. НА СНИМКЕ: переплетчица-двухсотница типографии № 1 Фатыма Байбышева просматривает готовые книги.

Фото М. Пейсона.

В ССП СССР

Для участия в торжествах по поводу 30-летия Советской Украины в Киев выезжает делегация писателей во главе с А. Фадеевым. В составе делегации — Н. Тихонов, А. Сурков, Л. Леонов, П. Антокольский, А. Твардовский, А. Безыменский, М. Алигер, А. Софронов, Л. Соболев, В. Катаев, Вс. Иванов и И. Фефер.

* * *

Секретариат Союза писателей СССР решил созвать в Ленинграде во второй половине февраля совещание русских писателей Ленинградской, Мурманской, Псковской, Новгородской, Архангельской и других областей РСФСР и русских писателей прибалтийских и Карело-Финской республик.

Совещание русских писателей будет организовано также на Дальнем Востоке. В нем примут участие писатели Хабаровской и Читинской областей и Приморского края.

В марте намечено провести в Ташкенте совещание русских писателей среднеазиатских республик.

* * *

В секции поэтов состоялось обсуждение новой книги Семена Гудзенко «Закарпатские стихи», принятой для печати издательством «Советский писатель».

В обсуждении участвовали П. Антокольский, М. Алигер, Е. Долматовский, А. Межиров, Л. Первомайский, Я. Смеляков, С. Щипачев и др.

* * *

Комиссия детской литературы Союза писателей начала подготовку к Всесоюзному совещанию по детской литературе, созываемому ЦК ВЛКСМ, Союзом писателей и Министерством просвещения РСФСР.

На-днях был заслушан доклад И. Халтурина о детских книгах, выпущенных областными и краевыми издательствами. В прениях по докладу приняли участие писатели, преподаватели литературы в вузах, представители Академии педагогических наук, редакторы детских журналов.

Комиссия приняла решение о конкретной помощи периферийным издательствам и об укреплении связи с детскими писателями, живущими в краях и областях СССР.

Смерть народной сказительницы

ПЕТРОЗАВОДСК (От наш. корр.). Скончалась известная народная сказительница Карело-Финской ССР Анна Михайловна Пашкова.

Пашкова — автор широко популярного сказа о Ленине и Сталине. С ее слов записано большое количество былин (в том числе былина о Давиде Сасунском), пословиц, народных песен. В период Великой Отечественной войны Пашкова сложила сказы, посвященные Советской Армии, прославляющие советскую родину.

Первое собрание произведений Д. Д. Минаева

Не будет преувеличением сказать, что в дореволюционной России Минаев был известен только как автор шуточного шестистишия:

Область рифм — моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаюсь с каламбуром.

Такова же была литературная судьба и второго, наиболее значительного поэта «Искры» — В. Курочкина. С эстрады часто исполнялись его переводы песен и куплетов Беранже, но оригинальные революционные стихи Курочкина в течение многих десятилетий оставались забытыми.

Дореволюционные историки литературы обошли Минаева и Курочкина потому, что это были поэты-журналисты, а не «чистые лирики». Это была поэзия публицистически заостренная, поэзия с установкой на прямое политическое действие.

В 60-х годах XIX века происходила грандиозная борьба двух основных поэтических направлений: революционной, гражданской поэзии (Некрасов и поэты «Искры») и «чистой лирики» (Фет, А. Григорьев, Полонский и др.).

Пародии «искровцев» не только снижали и дискредитировали поэтические принципы враждебных школ, — они были средством политической борьбы. Вот, например, пародия Минаева на известное стихотворение Фета («Шопот, робкое дыханье...»):

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.
От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутовство и лень...

Стихотворение Фета Минаев пародировал четыре раза.

Интересен образец памфлетного экспромта Минаева. В. Буренину, своему бывшему соратнику по «Искре», перешедшему в лагерь политических ретроградов, Минаев дал краткую, но язвительную характеристику:

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

Научное исследование литературной практики «искровцев» начато было советским литературоведом И. Ямпольским. С 1933 по 1947 год под его редакцией изданы два сборника «Поэты Искры» (в большой и малой серии «Библиотеки поэта») и два тома избранных произведений В. Курочкина и Д. Минаева. И. Ямпольский проделал большую работу по разысканию первопечатных текстов. Эта работа требовала особой тщательности: все «искровцы» печатали свои произведения под разными псевдонимами (а иногда и без подписи). У Минаева, например, было свыше 35 псевдонимов.

Отбор произведений Минаева следует признать чрезвычайно удачным. Работа Минаева в области тех жанров, где с наибольшей силой проявилось его мастерство,—стихотворные сатирические фельетоны, пародии и эпиграммы, — представлена в книге с достаточной полнотой. В «Искре» и в других сатирических журналах И. Ямпольскому удалось обнаружить множество произведений Минаева, не вошедших ни в один из двадцати прижизненных сборников.

Для того чтобы понять публицистическую остроту стихотворений Минаева, необходимо вскрыть их связь с фактами политической или социальной жизни. Почти все произведения «Обличительного поэта» (один из псевдонимов Минаева) нуждаются в комментарии, включающем их в определенный исторический контекст. В своих примечаниях И. Ямпольский расшифровывает объекты сатиры Минаева и содержащиеся в его стихах многочисленные намеки на те или иные события общественно-литературной жизни 1860—1880 годов.

Правильно указав на связь Минаева и «искровцев» с авторами русских водевильных куплетов и с революционной поэзией Запада (Гейне, Барбье, Гюго), И. Ямпольский ничего не говорит ни о воскрешении традиций старых русских сатириков (Нахимов, Воейков и Милонов), ни о роли эпиграммы 20—30-х годов (Пушкин, Соболевский).

Необходимо отметить еще один существенный пробел — отсутствие иллюстраций. Сатирический журнал «Искра» был основан не только В. Курочкиным, но и замечательным художником-карикатуристом Н. Степановым. В сборнике нужно было воспроизвести лучшие работы художников-искровцев (Степанова, Лебедева и др.) — карикатуры, перекликающиеся с текстами.

Минаев впервые в русской поэзии широко применял составные каламбурные рифмы. Выступление К. Случевского в печати после двадцатилетнего перерыва Минаев отметил следующей эпиграммой:

Он двадцать лет был нерадив,
Единой строчки не родив.

В тех стихах Минаева, которые, по цензурным условиям, не могли быть напечатаны при жизни автора, каламбурные рифмы играют роль своеобразного шифра для резких политических оценок:

Бедняки снесут —
Сладко ли, не сладко ли —
Все: по шее бьют,
Лупят под лопатку ли,
Сирому сна нет,
Давит зло, как тать его,
И один ответ —
Гнать и гнать и гнать его.

Это стихотворение — памфлет с точным адресом. Зашифрованный текст четвертой строки: «Лупят подло Паткули» (петербургский обер-полицеймейстер Паткуль). Правильное чтение последней строки: «Гнать и гнать Игнатьева» (петербургский военный губернатор).

Сатирическая поэзия шестидесятников представляет большой интерес не только для писателей, работающих в области действенных журнальных и газетных жанров, но и для широких читательских кругов.

Н. ХАРДЖИЕВ.

Д. Д. Минаев. Собрание стихотворений. «Библиотека поэта». Вступительная статья, редакция и примечания И. Ямпольского. «Советский писатель», 1947 год, 490 стр.

Кинопоэма о победах колхозного строя

Гудит, завывает в поле февральская метель. Суровая русская зима. Глядя на эти первые кадры фильма, кажется, что все спит под снегами—и лес, и поля, и сама деревня. Но вот вспыхнула и протянулась вдоль деревенской улицы цепочка электрических огней. Это деревня Кольцовка — орденоносный колхоз имени Сталина. Сквозь причудливый морозный узор освещенного окна мы видим парткабинет клуба. Здесь колхозные активисты обсуждают решения февральского Пленума ЦК ВКП(б) о мерах под'ема сельского хозяйства в послевоенный период. Здесь и старейшие хлеборобы, и комсомольская молодежь. Весна—не за горами. Деловито взвешивая каждое предложение, готовят колхозники план предстоящих боев за 180 пудов зерна с гектара, обещанных Родине, Сталину.

В этот зимний морозный вечер мы совершаем экскурсию по Кольцовке. В колхозе свой радиоузел, кинотеатр, лаборатории. На столах колхозников — книги Ленина, Сталина, Пушкина, Белинского. Мы знакомимся со многими людьми Кольцовки — героями фильма. Вот энергичный Сергей Коротков — советский мечтатель, пытливо глядящий в будущее; Прокофий Кузьмич Тимофеев—колхозный радиокомментатор; телятница Настя, которую волнуют далекие образы некрасовских женщин; веселая Катя Милецкова—секретарь комсомольской организации. Это только первое знакомство с людьми, которых зритель на протяжении всей картины видит в труде и досуге, делит с ними их радости, тревоги и торжество больших побед.

Расстаемся с Кольцовкой, чтобы совершить увлекательное путешествие по всему Советскому Союзу. Перед нами — плодородные долины Вахша, где юная таджичка Оглой Умарова дала слово вырастить по 75 центнеров хлопка на гектаре земли. На чайных плантациях Грузии молодая колхозница Елена Хеладзе обещает собрать на своем участке 720 пудов чая. На Киевщине мы идем по свекловичным полям со знаменитой Надей Швец и девушками ее звена.

От кубанских полей до Сибири шествует колхозная трудовая весна. Снова, как и в прошлом году, Алтай призывает все советское крестьянство выполнить свой долг перед Родиной. Всколыхнулась могучая семья колхозов. Слово Сталину—великую клятву вождю — дают полтавские, вологодские, рязанские, воронежские, чкаловские и псковские колхозники, все шестнадцать республик, вся страна.

Неизгладимое впечатление оставляет у зрителя картина сражения, именуемого в скупых официальных сводках «весенняя посевная». Это действительно сражение, в котором участвуют миллионы людей, машины, самолеты, радиостанции. Гектар за гектаром расширяется плацдарм битвы за новый урожай. Этот могучий темп захватывает зрителя.

Фильм проводит нас через четыре времени года, раскрывая перед зрителем необозримые просторы нашей страны, ее природу. С большим мастерством отобразили операторы многообразие пейзажа Родины.

Пейзаж в фильме неотделим от людей. Они обогащают землю своим трудом, подчиняют природу своей воле, мастерству.

С большим интересом наблюдаем мы самоотверженный труд тракториста, чабана, колхозного повара, комбайнера. Нас увлекает вдохновенное новаторство колхозника Терентия Мальцева, вырастившего на своем опытном поле рожь невиданной высоты. Мы любуемся красивыми овцами-великанами «рамбулье», выращенными Иваном Мазуновым, который после боевых походов вернулся к своему любимому делу. В Вологодском сельскохозяйственном институте мы присутствуем на лекции лауреата Сталинской премии — талантливой крестьянки Александры Евгеньевны Люсковой — рекордсменки по выращиванию поросят. И вместе с знаменитым кубанским комбайнером Бориным волнуемся перед его последним зачетом при переходе на 5-й курс Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева.

Вместе с героями фильма празднует зритель великую победу. С именем Сталина—творца нерушимой дружбы народов — сошлась за столом колхозного пира единая семья мастеров урожая. Миллионы пудов хлеба засыпали они в закрома страны. И снова труженики земли обещают великому Сталину умножить своим трудом богатства Родины.

Автор и режиссер фильма В. Беляев, режиссер М. Славинская, операторы и автор текста И. Рябов справились с очень сложной, трудоемкой задачей. Они создали вдохновенную кинопоэму о величии непобедимого колхозного строя.

Р. КАРМЕН.

«Мастера высоких урожаев». Документальный фильм. Производство Центральной ордена Красного Знамени студии документальных фильмов (1947 г.). Автор-режиссер — лауреат Сталинской премии В. Беляев. Режиссер—М. Славинская. Операторы—лауреаты Сталинской премии: В. Штатланд, А. Крылов, Д. Маргухо; операторы—Г. Гибер, Г. Захарова, С. Киселев, М. Лифшиц, М. Силенко, З. Фельдман, Е. Яцун. Текст И. Рябова. Читает Л. Хмара.

Вдохновенный художник сцены

Сердце мое полно глубокой скорби. Умер Соломон Михайлович Михоэлс — вдохновенный художник, человек большой культуры, острого ума, богатой эрудиции, великолепного ораторского дарования, замечательный сын нашей великой страны.

Михоэлс — актер-мыслитель. Его занимали не только верность и богатство психологического рисунка образа. Он всегда стремился к социальному и философскому обобщению.

Играл ли он шолом-алейхемовских героев—людей, в которых воплощена, порой наивная и непосредственная, но всегда окрыленная мечта о иной, о лучшей жизни, играл-ли он мужественных советских патриотов Юлиса и Овадиса, играл ли он трагедию прозревшего короля Лира, играл ли он бунтаря Тевье-молочника, овеянного народной оптимистической мудростью, — он всегда подымался в своих обобщениях до проблем, имеющих всеобщее, всечеловеческое значение. Михоэлс, будучи создателем, художественным руководителем и первым актером Государственного еврейского театра, принадлежал всему советскому театру, всему советскому искусству. Он всегда стремился вкладывать в свои образы те мысли и чувства, которые волнуют каждого советского гражданина. Его искусство было глубоко идейным, страстным и правдивым.

Будучи всегда высоко требовательным к себе и к искусству, С. М. Михоэлс воспитал плеяду талантливых актеров и режиссеров.

Каждая встреча с Михоэлсом, каждая беседа с ним всегда волновала, будила чувства, обогащала мысли.

В свои беседы он всегда привносил что-то новое, неожиданное, смелое. Четки и умны были его формулировки, образна и умна была его речь, глубока была его мысль, универсальны были его знания.

В годы Великой Отечественной войны С. М. Михоэлс, как режиссер, создал ряд спектаклей, пронизанных чувством советского патриотизма: «Фрейлехс», «Леса шумят» и др.

Михоэлс был крупным общественным деятелем — председателем Еврейского антифашистского комитета, членом Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы, членом Художественного совета Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, членом президиума Всероссийского театрального общества и Центрального комитета профессионального союза работников искусств. Он любил все передовое, активное и со всей своей горячностью отдавался этой работе.

Советский народ глубоко ценил С. М. Михоэлса, как замечательного мастера сцены, яркого и многогранного, смелого, принципиального художника-гражданина, горячо любящего социалистическую Родину, отдающего ее процветанию все свои мысли, чувства, знания, силы.

Советское правительство присвоило С. М. Михоэлсу за выдающиеся заслуги перед театральным искусством звание Народного артиста Союза ССР, лауреата Сталинской премии и наградило его орденом Ленина.

Соломон Михайлович Михоэлс всегда являл собой прекрасный образец артиста-гражданина. Он не просто прожил свою жизнь. Его имя, его творческий труд, его искусство будут всегда жить в нашей памяти, в памяти знавших и любивших этого чудесного художника и человека.

М. ТАРХАНОВ,
лауреат Сталинской премии, Народный артист Союза ССР.

* * *

Тысячи людей посетили в эти дни помещение Государственного еврейского театра, где был установлен гроб с телом Соломона Михайловича Михоэлса.

Артисты московских театров, писатели, художники, политические и общественные деятели, военные, рабочие столичных заводов пришли проститься с одним из замечательнейших мастеров советской сцены, с человеком, составлявшим гордость своего народа, пламенным патриотом социалистической Родины, видевшим в активном служении ей единственную цель своей жизни.

...16 января. Сцена театра сплошь закрыта венками. Сменяются один за другим почетные караулы. Звучат под сводами зала траурные мелодии. В час дня начинается гражданская панихида.

С речами выступают генеральный секретарь Союза советских писателей СССР А. Фадеев, председатель Славянского комитета СССР генерал-лейтенант А. Гундоров, народный артист республики В. Зускин, поэт И. Фефер, режиссер А. Таиров, народный артист республики К. Зубов, заместитель председателя Всероссийского театрального общества М. Григорьев, председатель ЦК профсоюза работников искусств П. Тарасов и другие.

Они характеризуют высокий моральный облик С. М. Михоэлса, его творческий путь, на котором им были созданы незабываемые образы шекспировского Лира, шолом-алейхемовского Тевье-молочника, большевика Юлиса из одноименной пьесы Даниэля и многие другие. А. Гундоров и И. Фефер рассказывают, с каким достоинством подлинно советского патриота выступал С. Михоэлс на многочисленных митингах в Америке во время своего пребывания там в 1943 году, с какой гордостью и страстностью пропагандировал он на чужбине великие достижения своей бесконечно-любимой Родины.

Ораторы призывают коллектив Государственного еврейского театра быть верным тем творческим и идейным принципам, за торжество которых так неутомимо боролся его руководитель Соломон Михайлович Михоэлс.

...В 16 часов состоялась кремация.

Б. БРАЙНИНА

Бронзоватые косы

«Зачем это писать, — говорил Чехов молодым литераторам, — что кто-то сел на подводную лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим воплем бросается с колокольни? Все это неправда, и в действительности этого не бывает...»

Эти слова Чехова невольно вспоминаются, когда читаешь сборник рассказов Леонида Борисова «Дунайские волны», где все надуманно, эстетски претенциозно.

Дореволюционные времена. На пароходе кутят именитые купцы. Солист его императорского величества, по настоятельной просьбе капитана парохода, поет купцам арию Ленского. Но «неприступные и страшные купцы» бесчувственны к музыке.

«Красивую музыку для господ» слушают также простые люди из третьего класса, а человек в фуражке солдата осмеливается попросить знаменитого тенора спеть «Не осенний мелкий дождичек». Певец категорически отказывается.

Проходит шестнадцать лет. Советское правительство дает тенору звание народного артиста, а человек в солдатской фуражке становится директором большого рабочего клуба. Оказывается, что все шестнадцать лет тенора мучил его отказ спеть на пароходе «Не осенний мелкий дождичек», а директора клуба терзало желание услышать эту песню из уст тенора. Но все кончается к общему благополучию. Директор приглашает тенора в клуб. В антракте подает ему пять стаканов чаю, тарелку с бутербродами и шоколадный торт. Певец «был смущен и растроган. Он вслух признался, что вот эта мелочь, вот этот чай и булка с ветчиной и сыром для него стократ дороже золотых подношений от меломанов дореволюционного времени. Там все было натянуто, холодно, чинно, а тут — от полноты сердца, умеющего понимать и ценить искусство». В конце рассказа певец по просьбе директора охотно поет «Не осенний мелкий дождичек». Рассказ назван «Песня», но песня эта старая-престарая: язык, образы, положения—все взято из давно забытых плохоньких дореволюционных повествушек и рассказов. Не трогают читателя ни благородный тенор, ни добродетельный директор, ибо «все это неправда», все пошло, слащаво, ненатурально.

Не лучше дело обстоит и с другими рассказами. В «Рассказе о любви» советский летчик Алексей Иванович где-то в лесных дебрях встречает слепую девушку Катю, дочь лесничего, и влюбляется в ее «безмерно-мучительную красоту». Летчик решает жениться на слепой, гордо заявляя при этом: «Я постараюсь быть для нее тем, чем для меня является советская власть». В конце рассказа лирический герой, от имени которого ведется повествование, смотрит на счастье летчика и слепой девушки с «хорошей, бодрящей завистью».

Начало рассказа «Три свидания» относится к дореволюционным временам, конец—к 1945 году. Гимназистка Женя Эгмонт ведет любовную игру с влюбленным в нее гимназистом. Он читает ей стихи собственного сочинения:

Ты свои бронзоватые косы
Разбросала на трех облаках,
Не тебя ли хмельные матросы
Поздравляют на белых судах?

В 1932 году, лет через двадцать, герой снова встречается с Женей Эгмонт и признается ей, что тогдашние гимназические стихи породили его сегодняшние рассказы. Автор всячески, вплоть до имени и фамилии, подчеркивает свое тождество с героем рассказа, от имени которого ведется повествование. Но даже без этого читателю ясно, что плохая декадентская литература усердно питает рассказы Леонида Борисова. Третье свидание героя происходит уже с восемнадцатилетней дочерью Жени Эгмонт в 1945 году в Ленинграде, перенесшем блокаду. Но и блокада и Ленинград понадобились автору лишь для того, чтобы сказать, что жизнь «жестоко хороша», что скамейка, где происходили свидания с Женей Эгмонт, должна быть «священной», что «любовь—это золотая находка» и т. д. и т. п.

В рассказе «Дунайские волны» перед нами вновь Ленинград, перенесший блокаду, и опять пошлая литературщина подменяет живую жизнь. В начале рассказа лирический герой, он же автор, заявляет, что все его детство, юность, зрелые годы прошли под музыку вальса «Дунайские волны». «Воображаю, — говорит он о ленинградцах 1944 года,—с каким удовольствием слушают эту победную, богатую военными ассоциациями музыку все ленинградцы». И, действительно, едва герой попадает в Ленинград, как вальс «Дунайские волны» «кусками серебра летит из окон во двор». Это «с утра до вечера», с маниакальной настойчивостью, играет приехавший с фронта старший сержант Николай Иванович Сапожников: он «был счастлив тем острым, тонким ощущением этого чувства, которое дается людям сражений, победителям в битвах, мстителям за нечто большее, чем одно лишь личное». «Золотыми, победными звуками вальса» заканчивается рассказ.

И уже полное недоумение вызывают рассказы, где автор в «стиле модерн» комментирует некоторые биографические факты из жизни великих писателей XIX века. В какого-то самовлюбленного обывателя превращен Н. А. Некрасов в рассказе «Чрез бездны темные»: «невеселые думы, и все о себе самом... Пусть себе собаки грызутся, на то они и псы. О себе думать — это значит о человеческом достоинстве своем помнить, не терять его, не сворачивать ни вправо, ни влево, все прямо по намеченной тропе итти, призвание сохранить». Некрасов мечтает о том времени, когда дорога его жизни «как струна вытянется и зазвенит», ему грезятся золотые лодки, под белыми парусами, «зловещие черные птицы, с огненными крылами», «нестерпимо круглое, оранжевое солнце» и прочие атрибуты декадентской литературы.

В рассказе «Вечерняя заря» Ф. И. Тютчев, в то время, как «небо гремит упоенно и страстно», «молодо расправляет покатые плечи»; перед ним «подобно молнии, задержанной смертоносным взором», возникает молодость, он ощущает «во всем теле блаженство и невыразимое словами состояние...» Он говорит об умершей своей возлюбленной в таком стиле: «Если бы вы видели, как она, покойная, танцовала. На паркете оставался рисунок полета под вальс. Да, полета, потому, что настоящий вальс это уже не земля — это радость разлуки с хлопотами и суетой».

В рассказе «День в Мелихове» в не менее искаженном, нелепом виде представлен Чехов. Великий писатель превращен автором в какого-то неумного и самовлюбленного истерика: днем он изрекает общеизвестные истины и радуется, что «живет в собственном доме», ночью его мучают всякого рода предчувствия и сны. «Но почему этот монах снится именно мне?—подумал он. Почему мне, а не Маше, не Михаилу, не отцу, не матери?» Какое глубокомысленное раздумье!

Рассказ «Вечная Анна» низводит роман «Анна Каренина» до пошлого адюльтера: ревность, побои, крики, брань, истерики.

В рассказе «Потревоженные тени» кощунственно извращен образ Катерины из «Грозы», — опять вместо подлинной жизни бутафорские колокольни, драматические вопли, убийство, истерика.

Рассказ «Последняя премьера» раскрывает перед нами то «искусство» и ту среду, которые породили книгу Л. Борисова. Знаменитый трансформатор Уго Учеллини, девочка, поющая басом, Шерлок Холмс, Инес Наварро — женщина-демон, атласные платья дам, мужчины во фраках и смокингах, старинный английский вальс, прожектор, заливающий сцену синим пламенем. На этом фоне дочь виноторговца из ревности обливает серной кислотой актера Риу, исполняющего роль Шерлок Холмса.

В сборнике «Дунайские волны» Леонид Борисов взглянул на советскую действительность и на великую литературу прошлого глазами дореволюционного эстетствующего мещанина и обывателя. Странно, что подобные мещанско-эстетские представления автора о «красивенькой жизни» и различного рода реминисценции из третьесортной декадентской литературы могли быть изданы в наше время советским издательством.

Леонид Борисов. «Дунайские волны». «Советский писатель». 1947 г., 264 стр.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-31.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01106.